

Д. А. Сафонов**Крестьянское движение в годы Гражданской войны на территории Южного Урала: состояние и проблемы современной российской историографии**

В статье анализируется состояние разработки темы крестьянского движения в регионе Южного Урала в постсоветский и современный периоды. Сделан обзор имеющихся публикаций, отмечены их положительные и отрицательные стороны. К положительным итогам изучения темы автор относит сбор источников по идейной стороне повстанческого процесса и начавшийся процесс их изучения, восстановление основной канвы событий конкретных повстанческих выступлений в регионе. К недостаткам — спад интереса исследователей к архивному поиску, сохранение в публикациях фактических ошибок, чрезмерное увлечение обобщениями и анализом имеющихся данных, преобладание тезиса о единстве крестьянского протеста в пределах всей страны. Сделан вывод о необходимости продолжения архивного поиска, углубленного изучения конкретных выступлений в их динамике и с обязательным учетом региональных особенностей и субъективных факторов.

Ключевые слова: историография, Южный Урал, повстанчество, крестьянское движение, лозунги и программа действий.

Историография темы «Гражданская война в России» чрезвычайно богата и насыщена. В данном случае в качестве конкретных объектов изучения взяты две проблемы: крестьянское движение после 1917 года и его региональный аспект. В советской историографии так проблемы не то чтобы не ставились, но они были достаточно неактуальны. Стимула к разработке таковых просто не существовало: концептуальных расхождений у историографов, особенно по периоду «советской» истории, не могло быть в принципе. Это же касалось и крестьянского движения в целом. Рубежным в его истории выступал 1917 год. До него крестьянское движение изучалось глубоко и целенаправленно — как фактор социальной активности, как проявление классовой борьбы, как поэтапный рост сознательности крестьянских масс. Итогом многолетних целенаправленных поисков было создание хроник («Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.» под ред. Н. М. Дружинина; широко известная «дружининская» серия), для чего разработаны единые методики. Хроники стали серьезной основой для последующих исследований. Но все обрывалось на 1917-м годе, точнее — на октябре 1917-го. Действия крестьян, ранее одобряемые и заносимые в их актив, после указанного временного рубежа приобретали резко противоположную оценку: разгромы помещичьих имений летом оценивались как законная реализация крестьянами понятия справедливости, а в ноябре — как преступные действия, совершенные при подстрекательстве кулаков¹.

Образно говоря, самостоятельная история российского крестьянства буквально обрывалась в октябре 1917 г. [100, с. 92]. После этого крестьяне становились либо верными союзниками рабочего класса в деле строительства социализма, либо, напротив, врагами, участниками «кулацких» мятежей. Как результат, после 1917 г. на смену теме крестьянского движения приходит тема укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

¹ В местной историографии одно время существовало утверждение, что «с установлением Советской власти разгромы помещичьих имений, как правило, прекращались» [47, с. 93]. Несколько позже позиция была скорректирована: та же автор внесла уточнение, что погромы еще были, но теперь они были «спровоцированы кулаками» [48, с. 137]. На кулаков возлагал вину за погромы имений после Октября В. Ананьев, утверждавший, что они начали таковые для того, чтобы «отвлечь трудящихся крестьян от активного участия в создании и укреплении Советской власти в деревне» [16, с. 18].

© Сафонов Д. А., 2018

Крестьянство как таковое отходит на второй план. В центр внимания попадает аспект руководящей роли рабочего класса. Советские историки напрочь отрицали возможности конфликтов между крестьянством и советской властью. Крестьянство становилось безынициативным, его надо было просвещать, учить, вести за собой.

Точно так же не было особых оснований разрабатывать региональную историю, поскольку при единой исторической концепции региональные особенности никак не могли играть принципиальной роли.

Тем не менее мыслящим исследователям было более чем очевидно, что крестьянская социальная активность не могла одномоментно прерваться. Поэтому завершение крестьянских хроник 1917-м годом казалось результатом идеологического запрета. Точно так же казалось, что в изменяющихся политических условиях 1990-х годов уже ничто не сможет помешать продолжить хроники дальше — совершенно по тем же принципам и методикам. Однако оказалось, что проблема не в идеологии, точнее, далеко не только в ней. В 1999 г. была издана хроника крестьянского движения на Южном Урале с хронологическими рамками 1856—1922 гг. [117]. Автор изначально видел свою задачу не просто собрать данные по «запретному периоду» после 1917 г., но обеспечить единообразие оформления, а затем и сопоставления материала, поскольку крестьянское движение есть единый процесс; более того, логически рассуждая, в событиях весны 1917 г., отраженных в хрониках, и событиях, например, декабря 1917-го могли участвовать одни и те же люди.

Хронологические данные по послеоктябрьскому периоду оформлялись по той же схеме, что и ранее¹. Только теперь стали обнаруживаться новые сложности. Система сбора информации о происходящем в дореволюционной деревне была несомненно далека от совершенства, но она существовала и работала. Представители старой власти, фиксировавшие крестьянские конфликты, руководствовались определенными установками, что и давало в руки исследователей определенным образом подобранный материал. Вектор поиска в итоге стал общеизвестен и общепринят — любой исследователь точно знал, где искать и что можно найти. Но после Октября старая система рухнула, а новая еще не успела сложиться. По периоду 1918—1919 гг. мы наблюдаем вообще информационную лагуну: для Южного Урала это период относительного безвластия, борьбы различных политических сил. Разумеется, крестьянство не оставалось пассивным, не застывало в своей деятельности, но становилось ненаблюдаемым. Если мы говорим преимущественно о конфликтах крестьянства с властью, а в нынешних условиях собственно власти нет, выходит, что нет и конфликтов с ней, нет и крестьянского движения и т.п. То небольшое количество событий, нашедших отражение в дошедших источниках и попавших в итоге в хронику, по нашему мнению, никоим образом не отражает реальной картины — скорее это верхняя часть айсберга.

Но проблемы не исчезли и с установлением советской власти в регионе. Новая система надзора за населением, воплощенная в органах ЧК и ГПУ, возникла не сразу. Но помимо трудностей периода становления были и иные моменты. Советскую власть почти не интересовали конкретные виновники, в огромном большинстве за случившееся отвечала вся деревня, независимо от реального участия селян². Затрудняет статистиче-

¹ Стоит напомнить, что традиционно на каждое выступление составлялась так называемая квалификационная карточка: название архива, место выступления, дата, причина, требования крестьян, краткое содержание, количество участников, меры властей, результаты, источник информации, выходные данные.

² Информационные сводки губЧК имели четко определенный круг вопросов: «освещение политического состояния данного района и выделение экономических причин, влияющих на изменение этого состояния, а также освещение степени успешности проведения в жизнь главных мероприятий Советской власти как в политической, так и экономической сферах». А также «наблюдение за ростом мелкобуржуазной стихии, за проявлениями мелкобуржуазных настроений в рабочей, партийной, союзной, красноармейской

ский учет и массовое повстанчество, например случаи, когда социальный протест как бы «уходит» из деревень — в партизанские отряды и т.п. Столь же трудно определиться с учетом массовых восстаний: по логике хроники каждое восстание есть статединица, но очевидно неверно было бы ставить рядом восстание в одном отдельно взятом селе и, например, восстание «Черного орла и земледельца», по нашему мнению распадающееся на не поддающееся учету количество локальных выступлений крестьян значительного региона. Как уже отмечалось, хроника крестьянского движения на Южном Урале завершилась 1922 годом. Причина — состояние источниковой базы. Источники, по сути, замолкают — практически никаких фактов крестьянской активности. Возможно, подобное наблюдение и подтолкнуло некоторых авторов к выводу о прекращении конфликта советского государства и крестьян в результате новой экономической политики (см., напр. [141]). На наш взгляд, изменились условия — и потому поменялись формы; но социальная активность крестьян исчезнуть не могла.

Вообще хроник по рассматриваемому периоду крайне мало. Интересный опыт представляет собой книга В. В. Троцкого и А. Д. Демидова «1920 год в Средневолжском крае» [145], где каждая информация имеет указание на источник, но основное внимание авторы уделяют партии и рабочему классу, поэтому крестьянство затрагивается как бы по остаточному принципу. В 1991 г. К. Я. Лагунов опубликовал хронику Западно-Сибирского восстания [85]. Успешной следует признать хронику «Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг.», составленную В. В. Кондрашиным также по методикам «Крестьянского движения в России» [72, с. 360—449].

Специальных работ по крестьянскому движению в регионе в период Гражданской войны практически нет, если не считать монографии В. А. Лабузова и Д. А. Сафонова об оренбургской деревне на завершающем этапе Гражданской войны (2002) [84], где крестьянский протест рассматривался как одна из составных частей общей картины.

Другой причиной, помимо уже названной информационной лакуны, является условное поглощение выступлений в отдельных селах более крупными волнениями. Есть публикации по Саринскому и Чукари-Ивановскому восстаниям, но они краеведческого характера [59; 60; 63].

Существует ряд публикаций источниковедческого (Д. А. Сафонов [121]) и историографического характера (Д. А. Сафонов [118]) о крестьянском движении в годы Гражданской войны на Южном Урале, в Поволжье (В. Г. Гришаков [39; 40]), повстанчества в целом (В. В. Кондрашин [75]; О. Г. Шадский [154]; Д. А. Сафонов [131]). Из «оренбургских» историографических работ можно упомянуть статью Ю. О. Куренковой «Постсоветская историография о социальной активности крестьян», где основное внимание уделено работам о крестьянстве 1920-х годов «послевоенной», нэповской поры [79].

В. Л. Телицын неоднократно затрагивал проблему крестьянских выступлений в «первые послереволюционные годы» [138—142]; используемые в заголовках статей словосочетания «антисоветские выступления» и «антибольшевистские выступления» сразу показывают видение ситуации автором. При этом он постоянно говорит об уральских крестьянах, что, во-первых, создает презумпцию их идейного и организационного единства (далее мы покажем понимание В. Л. Телицыным территориальных рамок Урала) и, во-вторых, требует убедительной статистики крестьянских выступлений. Между тем по всему Уралу статистики нет. Задействованные автором статданные достаточно уязвимы: он говорит о «почти четырех сотнях локальных выступлений с различными формами массе», «уведомление центра об активных проявлениях явной и тайной контрреволюции, о работе контрреволюционных банд и группировок» [99, л. 1]. Как видим, ряда информационных позиций, фиксируемых в дореволюционный период, здесь просто нет.

протеста», «в том числе 97 случаях активного и инициативного сопротивления», произошедших в 1918—1922 гг.¹ В то же время можно согласиться с замечаниями В. Л. Телицына о состоянии разработанности этого аспекта проблемы: разрозненность исследований, отсутствие обобщающих работ по всему региону и всему спектру вопросов темы, отсутствие подробной хроники по Уралу в целом, слабая разработанность социальных особенностей, нет работ о специфике региональных выступлений, эволюции противостоявшего большевикам лагеря [142]. Следует признать, что и сегодня особых подвижек не наблюдается.

А. В. Посадский особо выделяет слабоорганизованное массовое крестьянское движение 1919 г. так называемых «зеленых», выступивших, по его образному выражению, «голосом крестьянства» [112]. Однако в этот период Южный Урал был ареной острого военного противостояния красных и белых и потому для данного региона данных по «зеленым» практически нет.

Мы берем в качестве территориальных рамок Южный Урал, на 1917 г. включавший Оренбургскую (Оренбургский, Орский, Челябинский, Верхнеуральский и Троицкий уезды) и Уфимскую (Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Стерлитамакский, Уфимский и Златоустовский уезды) губернии, а также к Оренбургу тяготела Тургайская область (совр. северо-западная часть Республики Казахстан), главные органы которой, вплоть до губернатора, находились в Оренбурге. В состав области входили Кустанайский, Актюбинский, Иргизский, Тургайский уезды. Серьезные территориальные изменения начались после революции 1917 г. С созданием в 1919 г. Башавтономии в нее вошли волости как Южного, так и Среднего Урала. Постановлением Президиума ВЦИК 3 сентября 1919 г. Троицкий и Челябинский уезды были выделены во вновь созданную Челябинскую губернию. 7 июля 1920 г. Оренбургская и Тургайская губернии были слиты в одну — Оренбургско-Тургайскую. В сентябре объединенная губерния была включена в состав образованной Киргизской (Казахской) ССР (и Оренбург стал столицей), в декабре — разъединена, а в апреле 1925 г. Оренбургская губерния была выделена из КССР. Уфимская губерния упразднена в 1922 г., ее уезды вошли в состав БАССР.

Бросается в глаза довольно путаная картина изменения административных и государственных границ в очень ограниченный промежуток времени. Отсутствие единых подходов в оценке условных границ географического региона создавало и еще будет создавать исследователям дополнительные проблемы. С Поволжьем все достаточно понятно — к нему относят территории, тяготеющие к Волге; понятны и условные рубежи Сибири. Зона между ними и есть Урал, достаточно традиционно разделяемый на Северный, Средний и Южный. Средний столь же традиционно связан с Екатеринбургом, а все, что находится южнее, и есть Южный Урал. Но продвижение еще дальше в том же направлении приводит нас в северный Казахстан, причем рубеж между зонами определяется уже не географическими факторами, но административной границей. Дополнительные сложности возникают при изменениях административных границ. Например, в 1920 г. Мензелинский уезд был передан Татарской АССР, т.е. формально перешел из зоны Южного Урала в зону Поволжья. Бузулукский и Бугурусланский уезды в годы революции были в составе Самарской губернии, т.е. в Поволжье, но потом, с образованием в 1934 г. Оренбургской области, вошли в ее состав — получается, стали частью Южного Урала, а события там стали частью «оренбургской» истории.

¹ Данные показатели приводились со ссылкой на книгу И. Нарского [93, с. 43]. Стоит указать, что последний, в свою очередь, ссылается на нашу «Хронику» [117] и наши подсчеты: 478 локальных выступлений, в том числе 97 случаев активного и инициативного сопротивления. Но эти данные были только по Южному Уралу и за 1919—1922 гг.

В принципе возможны два варианта. Самый простой — когда целенаправленно рассматриваются события в конкретной административной единице, как, например, действия органов государственной власти и Красной Армии по ликвидации крестьянского восстания и бандитизма в Саратовской губернии (А. В. Лукьянов) [87]. Здесь крестьянские выступления интересны только в границах губернии и только как объект действий губернской власти. Но такой подход не эффективен, когда протест находится в движении (повстанческие «армии») и переходит через административные границы¹.

Если говорить о значительных регионах, то убедительнее всего вариант «Поволжье», но все равно к нему прибавляется Уфимская губерния: Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Царицынская, Астраханская и Уфимская губернии (В. В. Кондрашин), Среднее Поволжье — Симбирская, Самарская, Казанская и Саратовская; «значительное внимание уделяется Уфимской губернии (традиционно относящейся к Приуралью) — региону, откуда началось и распространилось на территорию Среднего Поволжья мощнейшее восстание “Черный орел”» (Ю. Ю. Аншакова) [18, с. 3]. Уральские историки говорят, разумеется, об Урале, по понятным причинам в Екатеринбурге больше внимания уделяя Среднему Уралу, в Челябинске — Челябинской губернии. Но тоже порой делаются оговорки, как, например, у В. Телицына: «...мы коснемся исключительно уральских губерний — Пермской, Екатеринбургской, Уфимской и Челябинской, а также западных районов Тюменской губернии и северных уездов Оренбургского края» [142, с. 53]². Еще более впечатляющий вариант — у М. И. Вебера в работе по теме «Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918—1919)», причем к Уралу он отнес Пермскую, Екатеринбургскую губернии и Челябинскую губернию «в границах 1920 г.» [25]. У казахстанских историков мы встречаем «регион Западного Казахстана, Южного Урала и Поволжья» (Е. И. Медеубаев³ [90]). Л. А. Гривенная в диссертации «Крестьянское повстанчество в начале 20-х годов XX века» так определяла «географические рамки исследования»: «Акцентируя внимание на современной территории Республики Казахстан, в особенности ее северного региона, автор исследует приграничные области Российской Федерации — Тюменскую, Челябинскую, Омскую и Екатеринбургскую», поясняя, что рамки эти «определяются распространением крестьянских вооруженных выступлений на территории Северного Казахстана и Западной Сибири» [37]. В этом и заключается второй вариант: рассмотрение именно явления: например «выступления Армии Правды» или Западно-Сибирского восстания. Оба варианта приемлемы, но второй более результативный.

Поэтому и мы, поднимая тему крестьянского движения на Южном Урале, *de facto* берем ее шире пределов региона, делая это в зависимости от необходимости. В январе-марте 1920 г. в пределах Казанской, Самарской и Уфимской губерний возникло так называемое восстание «Черного орла и земледельца». Летом-осенью 1920 г. на территории Башкирии ожесточенно сопротивлялись большевикам части насильственно распущенной ими Башкирской Красной Армии. С лета начались восстания в красноармейских частях: в июле восстала 9-я кавалерийская дивизия, дислоцированная в районе Бузулука, под командованием А. Сапожкова, объявившая себя «Первой красной армией Правды»; в январе 1921 г. — Орлово-Куриловский полк, которым командовал один из бывших командиров Сапожкова В. Серов; весной 1921 г. из части Красной Армии, дис-

¹ Причем иногда это делалось повстанцами намеренно. Органы ВЧК конкретной губернии сворачивали соответствующую работу после ухода «мятежников» за пределы подотчетной территории.

² Получается, что автор статистику по Оренбуржью для оценки состояния крестьянской активности на Урале использует, но само Оренбуржье в зону Урала не включает.

³ При заявленной теме «Антисоветские выступления в Западном Казахстане и Южном Урале в 1920—1922 гг.».

лоцированной в Бузулукском уезде для подавления «мятежей кулацких банд», возникла «Первая народная революционная армия» Охранюка-Черского. В январе-июне 1921 г. на значительной территории, куда входил Курганский уезд Челябинской губернии, шло Западно-Сибирское восстание. Кроме названных существовали отряды из дезертиров — «Зеленая Армия», «Голубая национальная армия Всероссийского Учредительного собрания», «Народная Армия» и др., преимущественно в Челябинском уезде. И если восстания и действия «цветных» армий были привязаны к определенным районам и населенным пунктам, то «армии» Сапожкова, Серова, Охранюка находились в движении, переходя из губернии в губернию. Тем самым они попадали в местную историографию этих губерний (теперь — областей). Есть и дополнительные факторы: например, на подавление выступления Сапожкова направлены были кавкурсы из Оренбурга; восстание в Кустанайском уезде подавляли оренбургские казаки; крестьяне из этого уезда, насильно мобилизованные, своим переходом на сторону красных способствовали разгрому корпуса генерала Бакича на реке Салмыш. Примеры можно продолжать; главный вывод: части значительного региона были во многом взаимосвязаны. Крестьянский протест был повсеместным и выходил далеко за административные границы тогдашних губерний.

Поставив исследовательскую задачу обзора и анализа историографии, мы берем в качестве объекта прежде всего труды историков рассматриваемого региона; работы других авторов, обобщающего характера в данном случае затрагиваются только с точки зрения заявленной темы.

Советской историографии 1960—1980-х годов были свойственны несколько моментов: попытка оправдания крестьян-бедняков и середняков, лишь «вовлеченных» в восстания кулачеством; отсутствие статистики; крайне расплывчатые упоминания о местах выступлений, о датах; изначальная убежденность, что все это были «сознательные планомерные действия врагов Советской власти». Чаще всего оренбургские авторы ограничивались констатацией наличия «банд» и того, что они грабили и убивали людей¹. Глубже в тему не погружался никто. Так, в 1967 г. Г. П. Ерхов утверждал, что в начале 1921 г. в Покровском районе существовала банда Черского и одновременно на севере губернии — банда Охранюка [49, с. 49]. В книге по истории города «Оренбург» Охранюк был назван не Черским, как на самом деле, а «Черкасским» [98, с. 174]. Еще более показателен пример так называемой «банды Вакулина-Попова», обязательно упоминаемой в общем ряду «оренбургских» банд. Между тем этой «банды» в пределах Оренбуржья просто не было; она действовала только на правом берегу Волги. А появились упоминания о ней в оренбургской исторической литературе потому, что Оренбуржье в начале 1930-х гг. входило в Средне-Волжский край, как раз в пределах которого и действовали «Вакулин-Попов». В итоге факт начал кочевать из публикации в публикацию.

В постсоветской историографии темы, на наш взгляд, можно выделить два качественно различающихся этапа. Рубежом между ними, достаточно условно разумеется, мы определяем начало 2000-х гг.

Только с началом перестройки историки Южного Урала стали уделять чуть больше внимания этим событиям. Отход от стереотипов в оценках и лексике происходил медлен-

¹ «В начале 1921 г. окончательно уничтожены остатки банд Логинова и Кужахмета, долгое время оперировавших в районе. В июне 1921 г. ликвидирована банда Иванчикова, появившаяся на границе Орского и Актюбинского уездов. В конце 1922 г. добыта банда, оперировавшая в районе Губерли, и банда Танатарова — в районе Адамовки» [24, с. 45—46]; «Контрреволюционные элементы поднимали головы. Банды Серова, Ершова, Охранюка занимались грабежами, подрывали производительные силы района» [4, с. 142]; «весной 1921 г. на востоке губернии терроризировала население крупная банда Охранюка, в районе Илецкой Защиты и Акбулака — банда Серова, в Илекском районе — Вакулина и Сарафанкина» [102, с. 192]; «приходилось заниматься ликвидацией банд Вакулина-Попова, Охранюка-Черкасского, Серова и других» [98, с. 174].

но и постепенно. Можно говорить о двух типах публикаций: специально посвященные тому или иному эпизоду, выступлению и работы с иными исследовательскими задачами, лишь затрагивавшие тему повстанчества. В первом случае авторы стремились донести новые данные, уже у них имеющиеся, но не использованные ранее по политическим причинам, либо только что извлеченные из архивов. Подобные данные были распылены по фондам, методики поиска выработывались по ходу дела. Во втором — речь шла лишь об изменении лексики и оценок. Авторы, как правило, обращались к событиям в пределах своей области (автономии): уфимские историки — в Башкирии, челябинские — на территории Челябинской губернии и т.п.

В Самаре Ю. Ю. Аншакова затрагивала крестьянские восстания в Среднем Поволжье, «чапанную войну», восстание «Черного орла» и «мятеж» Сапожкова [17; 18]. В обобщающем труде «История Самарского Поволжья...» была специальная глава о крестьянских восстаниях, написанная П. С. Кабытовым [56]. Из таковых автор выделял особо восстание «Черного орла», выступления Сапожкова и Серова. Основное внимание было уделено Сапожкову, дан анализ программных документов «сапожковцев». О Серове, видимо, по причине ухода его с территории Самарской губернии говорилось значительно меньше.

Челябинских исследователей более всего интересовало казачье повстанчество. Из специально посвященных этому работ «первой волны» следует назвать вышедшую в 1997 г. книгу краеведа Н. С. Шибанова о «Зеленой армии» Луконина и Выдрина [158], а также статьи о «Голубой армии» А. П. Абрамовского и С. И. Панькина [2] и А. И. Скоринова [134], а также А. П. Абрамовского и С. И. Панькина о повстанческой народной армии сотника Егора Макарова [3]. Работы отличались прежде всего использованием новых источников — местных архивных и газетных (А. И. Скоринов). Выступления оценивались однозначно как антисоветские и потому обреченные: «так бесславно закончилась очередная авантюра оренбургских казаков против Советской власти на территории Челябинской губернии» [2, с. 69].

И. В. Нарский в книге о буднях населения Урала в годы Гражданской войны писал о восстании «Черного орла», выступлениях в Челябинском уезде, «Голубой армии», «повстанческой группировке» (?) Охранюка-Черского [94].

Авторы же, лишь затрагивавшие повстанчество, предпочитали просто перечислять имена руководителей отрядов, демонстрируя размах выступлений [23; 111; 1]¹. Подобного рода обобщение невольно влечет за собой предположение о наличии если не единства, то общности взглядов, требований, намерений. Собственно, это мы и наблюдаем: «Такие отряды, как правило, выступали под лозунгами “Да здравствует Советская власть без коммунистов”, “Долой продразверстку” и т.п.» [1, с. 307]. Однако следует указать, что едва ли не механическое включение в перечень повстанческих командиров на территории Челябинской губернии (еще точнее — «на казачьей территории») Охранюка является серьезной ошибкой, поскольку если все прочие «казачьи» повстанцы провозглашали лозунги действительно антисоветские (в смысле отказа от Советов и возврата к казачьему самоуправлению), то народармейцы Охранюка признавали советскую власть.

При этом встречались некоторые неточности в изложении фактического материала. Так, В. Д. Ботнер приписывал отряду полковника Старжевского расправу в поселке Адамовский, куда на самом деле входил Охранюк [23, с. 121]; В. С. Кобзов и Е. П. Сичинский утверждали, что Охранюк был убит при попытке к бегству [66, с. 164] и т.п. В принципе

¹ См., напр.: «В течение весны-лета 1920 г. на бывшей казачьей территории было зарегистрировано более 60 крупных повстанческих отрядов... наиболее крупными из них являлись “Голубая армия” сотника Мировицкого, отряд Я. Г. Луконина и вахмистра С. А. Выдрина, подьесаула Звездина, сотника А. Е. Макарова, офицеров Старжевского и Охранюка-Черского» [1, с. 307].

наличие ошибок и неточностей, особенно на начальном этапе сбора информации, вполне естественно. Авторы следовали за обнаруженными документами; документы, в свою очередь, особенно содержавшие оперативную информацию, были заведомо не точны: основывались на слухах, непроверенных данных и проч. Нередко информация была просто противоречивой.

В увидевшем свет в 2000 г. в Екатеринбурге обобщающем труде Института истории и археологии УрО РАН «Урал в панораме XX века» Н. Н. Попов в главе «Время смуты и катастроф (1914—1921)» упоминал о восстании «Черного орла-земледельца» всего одной строкой. Столь же кратко он сообщал о выступлении Сапожкова, ограничиваясь суждением, что «основные требования выражались в лозунге: “Долой продразверстку, да здравствует свободная торговля!”» [148, с. 123]. Несколько подробнее он писал о Западно-Сибирском восстании¹, при этом утверждая, что якобы «в ряде районов страны, охваченной крестьянскими волнениями, имели место попытки объединения с ними». В качестве примера приводится рейд Охранюка: «из Поволжья [вообще из-под Бузулука. — Д. С.] на восток продвигался крупный отряд повстанцев (около 1 тыс. сабель) под командованием Охранюка-Черского. В июне он вступил на территорию Челябинской губернии, но под напором красноармейских частей вынужден был отступить на юго-восток и был разгромлен севернее Орска» [там же]. По нашим данным, нет ни одного свидетельства, что Охранюк шел на помощь в Западную Сибирь; напротив, он двигался по югу Башкирии на Орск. Если по пути повстанцы и пересекли административные границы Челябинской губернии, то это вовсе не доказывает названного автором направления движения. Ликвидацией же Охранюка занимались не челябинские, а оренбургские власти.

Башкирским исследователям наиболее интересно было участие в повстанческом движении именно башкир, потому чаще всего они касались восстания «Черного орла» (особо подчеркивая участие в нем башкир) и выступлений исключительно на территории Башкирии, причем рассматривая таковые как часть «национального движения» [54; 29]. Данный подход объясняет, почему в исследованиях 1990—2000-х годов при заявляемых «общих» темах — история Башкортостана, история крестьянства Башкортостана — объектом исследования были только башкиры.

М. М. Кульшарипов в монографии о башкирском национальном движении 1917—1921 гг. показательно объединял в один параграф национально-государственное строительство и повстанческое движение в Башкирии, причем последнее рассматривалось как вооруженное сопротивление именно башкирского народа. О «русских крестьянских отрядах» в книге упоминалось одной фразой. Несколько больше говорилось о выступлении Охранюка («бывший командир отряда регулярных частей»), и то потому, что таковое «охватило и часть башкирского населения», а значит, хотя и с оговорками, могло быть отнесено к движению национальному [78, с. 317]. По утверждению автора, Охранюк «совершил переворот в своем отряде», застрелив комиссара со словами «нас направили сражаться против бандитов, но против нас воюют не бандиты, а наши отцы и матери, голодающие от грабежей коммунистов. У кого поднимется рука против них?». И эта важная

¹ Основной район Западно-Сибирского восстания именно Сибирь. Частью такового считаются события в Челябинском уезде, почему уральская историография и затрагивает это восстание, например Н. Г. Третьяков [143]. Но все же нужно признать, что это была окраина массового выступления. Мы не останавливаемся детально на историографии данного восстания по причине территориальных рамок, а также потому, что есть серьезные работы В. И. Шишкина, в том числе по историографии [159], а также библиографический обзор публикаций до 2011 г. [96].

цитата была приведена без источниковой ссылки [там же]¹; есть и иные неточности². Автор явно преувеличивал роль и влияние Амантаева, подписывавшегося в «Декларации» «представителем Башкортостана»³. Ничего не сообщив о действиях «Первой революционной армии», автор завершал краткий рассказ выводом, совершенно не соответствующим действительности: «...уже в ходе первых столкновений с частями Красной Армии повстанцы Охранюка-Черского перешли на сторону советской власти»⁴. Получалось, что струсил и Охранюк — «решил скрыться в Туркестане», и только башкиры, бывшие ранее с ним, «отказались от этого плана» и как более стойкие продолжили борьбу [78, с. 319].

Практически без изменений эти положения перешли в пятый том «Истории башкирского народа» (2009), где М. М. Кульшариповым был написан раздел «Повстанческое движение в Башкортостане в 1920—1921 гг.» [53, с. 183—192]⁵. Новым было то, что выступление Охранюка было объявлено башкирским: «...весной 1921 г. возникло в Башкирской республике новое антисоветское движение, которое охватило и часть башкирского населения, что придало ему национальный характер» [53, с. 191]. После бегства Охранюка в Туркестан башкирские командиры Ф. Магасумов и Г. Амантаев, не имея «ясного плана дальнейших действий», тем не менее вели «борьбу на свой страх и риск» [там же].

Интересно, что практически в то же время, в 2001 г., Р. А. Давлетшин по-иному излагал эту историю. Он называл отряды Охранюка «остатками Народной армии, разгромленной (?) в Самарской губернии» [42, с. 43]. С предшественником автор сходил в высокой оценке Амантаева, называя его создателем программы наряду с Охранюком. Но при этом он отмечал, что Амантаев в итоге предпочел пойти на переговоры с советской властью. Расхождение было и в оценке программы (Декларации) — автор полагал, что повстанцы стремились установить в России «буржуазно-демократическую республику». Кроме Охранюка, Р. А. Давлетшин касался восстания «Черного орла», охарактеризовав его как «самое крупное народное восстание башкирского народа против насильственного насаждения коммунизма, который был ему чужд» [42, с. 43]. Количества репрессированных за это восстание он не приводил, но заключал: «...нетрудно предположить, что многие были расстреляны в ходе и после подавления восстания, заключены в тюрьмы и концлагеря. Остальные...» и т.д. [42, с. 39]. Вообще восстания 1920-х годов автора

¹ Очень вероятно, что это самодеятельный пересказ автором фраз из воззвания Охранюка: «Вызывая нас, красноармейцев, из разной местности России для уничтожения, как нам говорили, бандитизма, они надеялись на нас, и мы откликнулись на их зов. И что же мы увидели вместо бандитов: мы увидели родных, отцов, матерей и детей, пухнувших от голода, между тем когда просили свой хлеб, то их называли бандами и заставляли нас их уничтожать» [116, с. 278—279].

² Автор приводил текст Декларации Охранюка [78, с. 318] со ссылкой на журнальную публикацию и архив (ЦГАООРБ). В его варианте документ заканчивался словами: «Да здравствует Башкирское княжество и все национальности России! Да здравствует крепкая, сильная и мощная Россия! Командующий народными вооруженными силами, комкор — Черский. Представитель Башкортостана — Амантаев». На самом деле данный подлинный документ завершается так: «Да здравствует Княжество Башкирии и все нации России. Да здравствует крепкая сильная могучая Россия. Командующий вооруженными силами народных войск Командир Корпуса Черский, представитель Башкирии (подпись отсутствует)».

³ По логике автора, раз в «Декларации» говорилось о необходимости объединения башкир и казахов, то это значит, что именно Амантаев внес его в документ, он хорошо знал программные документы башкирского национального движения, поскольку эта идея принадлежала З. Валидову [78, с. 318].

⁴ Упреждая возражение, что автор не владел всей информацией, укажем, что к моменту издания книги уже существовали работы, где о конце повстанцев Охранюка говорилось значительно более подробно — основные силы были уничтожены севернее Орска, а сдавшиеся полторы тысячи человек в течение двух дней вырубались карателями.

⁵ Любопытно, что этот текст положительно отличался от прежнего ссылками на архивы, но знаковая фраза «нас направили сражаться против бандитов» вновь была без указания источника.

почему-то мало заинтересовали — все данные о них взяты автором (судя по сноскам) из литературы 1960—1970-х гг., мемуаров и перестроечной прессы.

В «Истории Башкортостана» под редакцией Р. Н. Сулеймановой (2004) происходившее трактовалось как объединение отрядов Магасумова и Амантаева с пришедшими в кантоны отрядами Охранюка, после чего они «совместно выработали политическую программу», направленную на «восстановление многопартийности и демократии» [55, с. 146].

Иное видение башкирского повстанчества примерно тогда же предложил А. Б. Зарипов (2001): «К концу июля 1920 г. вся республика оказалась оккупированной. Русские крестьяне и рабочие, мобилизованные на борьбу с повстанцами, охотно собирались в карательные отряды, чтобы мстить башкирам и захватить их земли и скот. Под давлением контрреволюционного восстания русские установили настоящее царство террора, сопровождаемое безудержным грабежом и убийствами башкирского населения... лозунг красных карательных частей: “Смерть башкирам!”. Это был настоящий геноцид. Ответная реакция башкир не заставила себя долго ждать. Башкортостан охватило повстанческое движение, эпицентр которого приходился на юго-восточный регион» [50, с. 128]. Показательно, что никаких доказательных ссылок, даже в отношении лозунга карателей, не приводилось.

Участие русских крестьян в повстанчестве специально затрагивал Р. Г. Насыров, выделивший в своей монографии особый параграф «Повстанческое движение крестьян русских сел Усерганского кантона в 1920—1921 гг. и отношение к нему башкир» [95, с. 41—87].

Несколько иначе на повстанчество смотрели историки Казахстана, видевшие своей основной задачей создание новой концепции истории крестьянского повстанческого движения в Западной Сибири и Северном Казахстане в начале 1920-х годов, один из важных элементов которой — участие в этом движении казахского населения (Л. А. Гривенная) [34—36]. Л. А. Гривенная полагала Западно-Сибирское восстание 1921 г. и выступления в Казахстане (в одном случае — Северном [34, с. 14], в другом — Северо-Восточном [35, с. 50]) единым целым по всем позициям.

Массовое участие казахов («местное население порой стихийно восставало целыми аулами» [90, с. 83]), разумеется, признавал и Е. И. Медеубаев, но он более корректно брал регион Западного Казахстана, Южного Урала и Поволжья не как территорию единого восстания, а как зону, в которой оперировали различные повстанческие силы, в итоге заходившие в пределы Казахстана: отряды Аистова, Охранюка в Кустанайской губернии, Глазунова в Актюбинской, Серова, Горина, Киселева в Уральской и Букеевской губерниях [90, с. 82]. Автор не учитывал того факта, что названные отряды двигались и повстанческая власть распространялась только там, где отряды находились. Отсюда у него получалось, что восстание Серова охватило огромную территорию — Саратовскую, Оренбургскую, Актюбинскую, Уральскую и Букеевскую губернии [90, с. 83]. Такой подход позволил ему в итоге утверждать, что к середине 1921 г. «практически вся территория Казахстана была охвачена восстаниями» [там же], «во многих регионах КАССР власть большевиков... сохранялась лишь номинально и только в губернских городах» [90, с. 85]. К сожалению, в работе много неверных деталей¹, что говорит о том, что автора подобные подробности мало интересуют².

¹ Бузулук назван городом в Оренбургской губернии (в действительности — Самарской) [90, с. 82]; из Бузулука Сапожков повел наступление на Уральск, Пугачев [там же]; Оренбургской губернии на тот момент не было (была Оренбургско-Тургайская), в середине 1921 г. «в Оренбургской губернии в междуречье Урала и Илека продолжали свою борьбу под лозунгом “Долой коммунизм!” матросы Кронштадта» [90, с. 83—84] и т.п.

² Сходным образом в статье 2017 г. о восстании в Западной Сибири Е. И. Медеубаев ссылается не на современные публикации о восстании, каковых немало, а на одиозную книгу Д. Л. Голинкова «Крушение

В Оренбуржье одним из первых попытался по-новому взглянуть на эти события Р. Р. Магомедов (1990). Касаясь восстаний в Уфимской губернии, в том числе «Черного орла», он однозначно высказывался за то, чтобы перестать писать о «кулацко-эсеровских мятежах», поскольку речь идет именно о восстаниях, и именно крестьянских. Главной причиной выступлений он полагал «обременительную» разверстку. Тот факт, что к выступлениям крестьянских масс кое-где присоединялись и контрреволюционные силы, по его мнению, не изменял самой сути крестьянского протеста [88, с. 135].

В 1994 г. впервые прозвучало признание массовости протеста в крае — авторы (Л. И. Фоторянский, В. А. Лабузов) признали, что банды действовали «на территории практически всей губернии» [151, с. 4]. Безусловно новым стало использование термина «вооруженная оппозиция». Хронологически мы впервые наблюдаем его в диссертации В. А. Лабузова [83].

На сегодняшний день самой большой по объему работой о повстанчестве этих лет в регионе является наша монография «Великая крестьянская война 1920—1921 гг. и Южный Урал» [116]¹. В ней освещены события всех крестьянских восстаний региона, лозунги и идеи восставших, а также изучены локальные выступления в деревнях. Для этого был задействован уже апробированный исследователями инструментарий, применяемый для анализа крестьянского движения в XIX — начале XX в. Автор заключает, что восстания «Черного орла и земледельца» в том смысле, как это трактуется в литературе (восстание, охватившее три губернии под руководством единого антибольшевистского штаба), не было². Мы полагаем, что речь следует вести не о едином, но единомысленном протесте. В разных уездах крестьяне поднялись со своими лозунгами и требованиями. Схожесть таковых вовсе не является доказательством происхождения их из одного источника («штаба»), но лишь подтверждает вывод, что объединяло крестьян одно — недовольство теми методами, которыми коммунисты проводили свою политику. Присутствие в отдельных местностях политических антибольшевистских сил не меняло сути массового крестьянского протеста. Собственно «восстание Черного орла» тоже было, но только как составляющая крестьянского движения в Поволжье. Помимо него в этом регионе имело место не поддающееся учету значительное количество локальных вспышек протеста с самостоятельными руководителями и лозунгами³.

Восстания красноармейских частей (Сапожкова, Серова) под коммунистическими лозунгами протеста мы полагаем особенной, специфической чертой, свойственной только южноуральскому региону. На наш взгляд, совершенно не верно именовать все эти восстания «антисоветскими», поскольку восставшие чаще всего выступали за сохранение советской формы управления. Не были они и «антикоммунистическими» в том смысле, что восставшие боролись не против коммунистической идеологии, не против Коммунистической партии, но против действий конкретных членов РКП(б) в конкретное время и в конкретных условиях. Пришлось признать искусственность рассматриваемого региона «Южный Урал», так как нет никаких оснований говорить о единстве крестьянского протеста в рассматриваемом регионе, поскольку таковой протест наглядно и ощутимо раскалывался на составные части со своими особенностями и характерными чертами.

антисоветского подполья в СССР» [30] и кандидатскую диссертацию В. К. Григорьева «Борьба коммунистов Казахстана против мелкобуржуазной контрреволюции на территории республики в 1920—1922 гг.», защищенную в Алма-Ате в 1972 г. (позднее издана книгой в 1984 г. [38]).

¹ В фундаментальном издании документов «Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922: Документы и материалы» [77] использован ряд материалов из данной монографии.

² С данным тезисом не согласен В. В. Кондрашин [72].

³ Отметим, что изучавший повстанчество в Поволжье В. В. Кондрашин склоняется все же к традиционной версии [72, с. 28].

Своеобразный «водораздел» символически проходит по Оренбургу — западнее его повстанчество было, образно говоря, под красными знаменами, восточнее (в казачьих районах) — повстанцы были более умеренными, выступали за старые порядки. Названные положения получили дальнейшее развитие в ряде последующих публикаций [122; 124; 120].

В 2001 г. вышла самая серьезная работа о крестьянском движении в Поволжье в 1918—1922 гг. — монография В. В. Кондрашина [72]. Автор дал анализ количественных показателей крестьянского движения, проанализировал лозунги и программные документы повстанцев, высказался по актуальному тогда вопросу о влиянии белых и эсеров на крестьянство (в главе с показательным названием «Кто кого вел?»). Ход самих выступлений он рассматривал в главе «Подавление крестьянского движения», что нам кажется достаточно логичным, поскольку на тот момент доступные исследователям источники из «красного» лагеря сообщали о повстанчестве исключительно в контексте подавления такового. Позднее, в 2009 г., он взял проблему еще глубже — о поведении крестьянства в Гражданскую войну, его взаимоотношениях с основными противоборствующими политическими силами: красными, белыми и другими режимами [73].

Из всех выступлений в регионе больше всего внимания историками уделялось выступлению («мятежу») А. Сапожкова. На это в немалой степени влиял факт, что о данном выступлении писали даже советские авторы; а они, в свою очередь, исходили из того, что о нем упоминалось в партийных документах. На IX съезде РКП(б) «сапожковщина» как «кулацкая оппозиция» была поставлена в один ряд с «антоновщиной» [45, с. 285]. Фактологической основой практически для всех работ советского периода (как, впрочем, и позднейших) стала статья Р. Таубина «Разгром кулацкого мятежа Сапожкова», изданная в 1934 г. [137]. Дополнения если и имели место, то касались частных случаев, прежде всего примеров неизбежных зверств мятежников. Впервые новые архивные данные были привлечены С. А. Павлюченковым в 1996 г. [103]; он же попытался проанализировать и переосмыслить происходившее. Объективной причиной выступления автор полагал недовольство масс продработой и продработниками. По его мнению, на учреждение своей власти Сапожков пошел только тогда, когда Бузулукский совет отказался исполнить его требования. Новой была попытка объяснить поражение восставших. Причину поражения автор видел в позиции крестьянства региона: «Видавший виды поволжский мужичок занял осторожную позицию, стремясь столкнуть лбами сапожковцев с продовольственниками, чтобы отделаться и от тех, и от других» [103, с. 256—257]. Мнение, конечно, любопытное, но тогда выходит, что выступление Сапожкова не было крестьянским; а если это так, то нужны дополнительные пояснения, чего автор не сделал.

Ю. Ю. Аншакова, говоря о крестьянских восстаниях в Среднем Поволжье, конечно же, затрагивала выступление Сапожкова. В данном случае основным было не привлечение новых данных, но попытка изложения событий без стереотипов советского времени. Она, кстати, утверждала, что первым подробно описал выступление Сапожкова А. Л. Литвин (1972) [86]. Позднее, в 2006 г., она опубликовала статью «Армия “Правды” начдива Сапожкова», где изложила ход событий с учетом последних публикаций и исследований. Достаточно необычно, на наш взгляд, давалось толкование причин выступления: «...восстание назревало, с одной стороны, при условии общего недостатка, холода и нищеты в рядах красноармейцев, и с другой — обжорства, пьянства и разврата и полной оторванности высшего командования и политруководителей округа от масс и в отсутствие политической работы в Армии» [19, с. 776—777]. В 1998 г. она считала иначе:

«Мятеж имел те же цели и лозунги, что и чапанная война и восстание “Черный орел”»: отмена продразверстки, введение вольной торговли, установление демократических порядков, уничтожение коммунистической диктатуры» [18].

Практически одновременно продолжали тиражироваться штампы советской историографии. В том же 1998 г. С. В. Виноградов занимался изучением мелкотоварного крестьянского хозяйства Поволжья, однако счел необходимым затронуть выступление Сапожкова. При этом он ссылаясь на сборник документов 1957 г. и книгу С. А. Павлюченкова. Но выводы все равно были прежними: «Началом мятежа послужил конфликт Сапожкова с Бузулукским уездкомом РКП(б)»; снят он был «за развал дисциплины и систематическое пьянство»; «поднял мятеж, воспользовавшись антибольшевистскими настроениями в дивизии» [27, с. 9].

В дальнейшем произошло расширение информационной базы: в уже упомянутой выше книге «Великая крестьянская война 1920—1921 гг. и Южный Урал» (1999) [116] за счет привлечения архива ФСБ в Оренбурге, в монографии В. В. Кондрашина [73] — центральных архивов. Достоянием исследователей стали основные агитационные документы Сапожкова, что сделало возможным более углубленное изучение идеологической составляющей этого выступления.

Определенной новацией можно считать акцентирование внимания на факте взаимосвязи выступления Сапожкова и последующего — Серова, с особым подчеркиванием важности именно второго. Если региональная историографическая традиция полагала выступление Серова попыткой продолжить начатое Сапожковым, то столичные авторы стали рассматривать выступление Сапожкова как прелюдию «серовщины». Так, М. В. Филин утверждал, что «серовщина зародилось в недрах другого социального протестного явления — сапожковщины» [149]¹. Мотивом к подобной перестановке акцентов, на наш взгляд, была поставленная Филиным задача — рассмотрение «протестного движения российского казачества»: выступление Сапожкова назвать казачьим не получалось, а вот выступление Серова автор полагал именно таковым. Солидарно с ним высказывался и его соавтор по некоторым статьям о казачьем повстанчестве П. Ф. Алешкин: протест Серова поднимался на более высокий уровень [15, с. 253].

Отметим, что наряду с преувеличением значимости выступления Серова есть и его явное преуменьшение. Так, В. С. Кобзов полагает, что после гибели Сапожкова «удалось скрыться только небольшой части повстанцев, которые действовали в казахских степях до начала 1922 года» [68, с. 176].

И еще один вариант толкования выступления Сапожкова встречается у Ю. А. Ильина, определяющего таковое как «военно-крестьянский мятеж»: «Под влиянием роста негативных настроений красноармейцев начали складываться элементы армейской организации крестьянской оппозиции к режиму». По мнению автора, «РККА, как верная опора режима, под воздействием ужесточившихся порядков в армии и тылу интенсивно разрушалась изнутри: идейно-политически и морально деградировала». Правда, в этом случае не совсем понятно, почему эта самая Красная Армия успешно подавила это и последующие выступления армейских частей. По мнению Ю. А. Ильина, Сапожков и его окружение лишь «идейно-политически оформили выступление своих красноармейцев, постарались придать ему должную организацию», а крестьянство «сразу скорректировало, “приземлило” программу восставших красноармейцев А. С. Сапожкова до насущных требований единоличной деревни (вольная торговля, разгон райпродкомов и засевавших у власти коммунистов, перевыборы Советов и т.д.)» [52].

¹ См. также: Филин М. В. «Сапожковщина» и ее развитие: повстанчество Василия Серова (1920—1922 гг.) [150].

«Новое», если так можно выразиться, понимание сути крестьянского протеста начала 1920-х годов утверждалось в региональной литературе достаточно медленно. И это не случайно. Неожиданную сложность приобрел вопрос об участии милиции и чекистов в подавлении «мятежей» (А. И. Семенов [132], С. В. Щеткин [157], Г. Т. Камалова [64; 65], Е. А. Игишева, В. Д. Камынин [51]). Авторы, затрагивавшие вопрос участия силовых структур в подавлении крестьянских и повстанческих выступлений, неизбежно впадали в логическое противоречие: поскольку ранее таковые полагались однозначно кулацкими и контрреволюционными, то стороны добра и зла были очевидны; в новых условиях, когда повстанчество стало оцениваться по-иному, говорить о заслугах в деле их подавления стало не очень удобно.

Но в начале 2000-х годов стали выходить книги по истории милиции, приуроченные к юбилею МВД. Вот тогда-то и встал вопрос — относить ли участие органов милиции в подавлении повстанчества к положительному опыту, достойному стать предметом гордости? Для авторов, не знакомых с темой (как, например, авторский коллектив книги «Полиция и милиция Самарской губернии» (2003)), все было достаточно просто: «активно действовали крупные банды Серова, Иванова, Сарафанкина, Попова», они убивали и грабили, банды эти «возглавлялись профессиональными преступниками» (!), работники милиции же «умело и мужественно вели борьбу» [146, с. 68].

Те же исследователи, кто владел информацией, оказывались в достаточно щекотливом положении. В 1997 г. В. С. Кобзов и Е. П. Сичинский издали работу о государственном строительстве на Урале в 1917—1921 гг. Достаточно объяснимо там был параграф о повстанческом движении, оцениваемый, по логике работы, как фактор дестабилизирующий. Неудивительно, что авторы более делали акценты на жертвах среди населения [66, с. 153], успешных действиях чоновцев [66, с. 157], а сами повстанцы именовались параллельно участниками восстаний [66, с. 156] и бандитами [66, с. 157]. Позднее В. С. Кобзов и А. И. Семенов, рассказывая о правоохранительных органах Южного Урала, выделяли в особый параграф участие «РКМ в ликвидации “политического бандитизма”» [67]. И хотя они пытались сохранить нейтральный тон, в итоге авторы вполне объяснимо приняли сторону борющихся с повстанцами.

В изданной в том же 2002 г. «Истории управления внутренних дел Оренбургской области» в соответствующей главе Д. А. Сафонов и В. А. Лабузов особо подчеркивали сложность положения милиции в те годы: с одной стороны, привлечение милиционеров к исполнению несвойственных им карательных функций, с другой — сочувствие значительной части милиционеров повстанцам и волнующимся крестьянам [57, с. 87—89].

Со спецслужбами оказалось сложнее; они и в дальнейшем оценивались как положительная сторона конфликта. О. В. Вепрев и В. В. Лютов в книге о государственной безопасности на Южном Урале не только четко выбрали «правильную» сторону, но и умело «дожимали» нужные позиции. Так, упоминая о «бандах» Черского, Луконина и Выдрина, они подчеркивали: «Объединяться в армии они не стали, зато имели превосходную связь не только между собой, но и с бандформированиями других губерний. На этот раз офицерский состав руководителей банд действовал как нельзя более эффективно: пригодился и опыт колчаковской контрразведки, и военная выучка, и своеобразный “контрреволюционный кураж”, азарт, дерзость, с какой действовали бандиты» [26, с. 201].

Не менее показательны их суждения о Луконине: «Личность самого Луконина весьма занятна — бывший учитель поселка Фоминского, правый эсер, некогда избиравшийся в Учредительное собрание от оренбургского казачества, он, *скорее всего* (!), прошел хорошую школу колчаковской контрразведки — именно на это указывают его прежние

обширные связи вплоть до руководителей эсеровской партии и высшего офицерского состава белой армии» [там же].

Столь же небрежно авторы упоминали о «Голубой армии» («веселая» «голубая армия» [26, с. 195]) и ее документах: «Не менее взбалмошен и сам манифест “голубой армии”, провозгласивший “жизненное кредо” в беспартийности» [там же]. Авторы перемешали информацию о Красной Армии Башкирии, Первой народной армии Макарова и «Зеленой армии» Луконина в одно, определив при этом «Зеленую армию» «прообразом будущих “лесных братьев”, бандеровцев» (?) [26, с. 200—201]. Интересна логика рассуждений: «Увеличение количества бандитов и дезертиров (не путайте с крестьянскими повстанцами, бунтовавшими из-за продразверстки) неизбежно потребовало усиления репрессивных, карательных мер, проводимых как отрядами ЧК, так и частями Красной Армии и чоновцами» [26, с. 189]. Положительно оценивали работу чекистов оренбургские ветераны ФСБ; так, А. Провоторов в книге «Записки контрразведчика» писал: «Летом 1920 года в г. Бузулуке поднимается эсеровский мятеж под руководством комдива Сапожкова. Вверенные ему части захватывают Бузулук. Местные жители и сотрудники ЧК выстояли и одержали победу в неравной борьбе» [113, с. 14]. Сходным образом оценивал ситуацию А. В. Никитин: «В эти годы в результате чекистских операций на оренбургской земле нашли свой бесславный конец крупные бандитские формирования Сапожкова, Охранюка, Серова, Сарафанкина, Аистова и других, которые сеяли на своем пути смерть и разрушение, грабили станицы и хутора, сжигали дома, зверски расправлялись с теми, кто помогал становлению советской власти в деревне» [97, с. 8].

Несколько особняком стоят публикации краеведов — непрофессиональных авторов. Как правило, для таких работ характерны игнорирование источниковедческих и историографических традиций, порой додумывание каких-либо моментов в интересах усиления эмоционального настроения, художественная обработка текстов источников, вплоть до сочинения диалогов. Одной из первых работ в регионе была уже упомянутая ранее книга журналиста Николая Шибанова «Зеленая война» о выступлении Я. Луконина и С. Выдрина в Уйской станице во второй половине 1920 г. [158].

В конце 1990-х годов работник оренбургской прокуратуры Ф. А. Ишбулатов занимался вопросами посмертной реабилитации повстанцев в соответствии с Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Материалы, содержащиеся в следственных делах ФСБ, были использованы им для публикаций в альманахе «Гостинный двор» в 2000—2001 гг.: о выступлении Сапожкова, восстании в Чукари-Ивановке, выступлении Охранюка, Саринском восстании [58—61]. Главной причиной выступлений он полагал продразверстку: «...мало кто знает, что творили продармейцы в деревнях. После обычной процедуры изъятия “излишков” продовольствия они устраивали шумные попойки, а в это время дети ограбленных крестьян буквально выли от голода» [60, с. 147]. Как и иные краеведы, автор полагал итоги своих поисков серьезным научным достижением — так, «краткая история ликвидации отряда Серова» излагалась на основе одного «недавно найденного в архиве документа», в результате изучения которого автор заключал, что «на территории современной Оренбургской области и прилегающих территориях Гражданская война не прекращалась и в 1922 году» [62, с. 88]. В 2013 г. была издана книга В. П. Калачева, Ф. А. Ишбулатова и Р. М. Востриковой «Чаша терпения переполнилась...» о восстаниях в поселках Чукари-Ивановка и Саре 1920 г. [63]. Сами авторы о себе говорили, что они «не историки, не политики и даже не позиционируют себя как краеведы» [63, с. 130]. О действиях Охранюка в пос. Адамовка писали местные краеведы: в 2005 г. В. Головина [31] и в 2013 г. Т. А. Кожина [69], особо акцентируя внимание на жестокости «бандитов». В книгах по истории районов Оренбуржья авторы

сообщали интересные детали: В. И. Дубровкина — о «лохматом восстании» [46, с. 13]; Н. И. Гончаров — о восстании в Исаево-Дедовском районе [32, с. 68—69], В. Марков — о Сапожкове в Бузулуке [89, с. 28—29].

Публикации краеведов заслуживают внимания по трем причинам: они в итоге становились историографическим фактом; они задействовали местные мемуарные источники и, кроме того, сами становились источниками о состоянии исторической памяти на местах. Хотя, конечно, в научном плане они достаточно уязвимы.

В принципе сюда можно отнести и историческую публицистику — с учетом того эффекта, который она оказывает на общественное сознание. Как правило, произведения такого рода носят броские названия: «Все против всех: неизвестная гражданская война на Южном Урале» (Д. Суворов [136]); «Хроника утаенного бунта» (В. Яценко [163]); «Атаманщина: мифы, легенды, действительность» (В. А. Савченко [115]). Работам свойствен мощный эмоциональный посыл, и главной задачей авторы явно видят не столько историческую правду, сколько донесение до читателей своих оценок и выводов¹. В. А. Савченко ставит в один ряд и атаманов южной вольницы, и Антонова, и Сапожкова, и Охранюка, именуя таковых также «атаманами»: «Глава 8. Атаман Антонов и “тамбовские волки”»; «Глава 10. Атаманы Черноземной России». И это при том, что никто и никогда, кроме данного автора, их атаманами не называл. Обратившись к изложению выступлений в интересующем нас регионе, обнаружим нагромождение неточностей и ошибок². Наблюдаются ошибки даже в написании имен: фамилия нового командира, присланного заменить Сапожкова, что и инициировало его открытый протест, — Стасов (на самом деле — Стасуй), фамилия Охранюка пишется «Охранюк-Черкасский».

Мы бы отметили еще одну показательную черту — убежденное мнение публицистов в том, что именно они открывают скрытые страницы нашей истории: «Атаманы, вышедшие из среды Красной Армии, не попали ни в учебники истории, ни в научные книги. Они оказались ненужными ни красной, ни белой, ни демократической пропаганде» [115]. Впрочем, подобные преувеличения встречаются и у историков. Так, П. Ф. Алешкин и Ю. А. Васильев в 2012 г. объявляли крестьянское протестное движение в Советской России в послеоктябрьской истории «все еще открытой страницей» [15, с. 3], а их книга о крестьянских восстаниях вышла в серии «Военные тайны XX века».

Ранее мы говорили о двух периодах в историографии темы, датируя завершение первого началом 2000-х годов. Первый, на наш взгляд, можно определить как период собирания фактов и введения их в научный оборот. Отметим несколько моментов, характерных для этого периода. К концу его в работах исчезает едва ли не обязательное ранее заявление, что неверно полагать крестьянские выступления контрреволюционными и что нет оснований переоценивать влияние эсеров. Само наличие такого рода заявлений было продолжением условного спора с советской историографией. В 2000-х гг. спор становится неактуальным.

¹ В последней из названных книг («Атаманщина») автор пишет: «Эта книга о неизвестной истории, истории самопожертвования и жестокости, фанатизма и романтизма, истории “великих надежд” и великих преступлений, истории о реализации заветной казачьей идеи, которой 500 лет была беременна евразийская Великая степь» [115].

² Так, в Бузулуке, занятом Сапожковым, не было показательных казней лишь потому, что «коммунисты и советские работники предусмотрительно бежали из Бузулука»; «восстание атамана Сапожкова охватило территорию от Царицына и Саратова до Уфы и Оренбурга»; «Александр Сапожков погиб на месте, тело его обезглавили, а голову, как ценный трофей, доставили в штаб дивизии»; после гибели Сапожкова его «Армия Правды» продолжала действовать под командованием Василия Серова; «при захвате населенных пунктов партизаны Серова прилюдно казнили коммунистов и советских работников, иногда их сжигали живьем»; «атаман создал и свой мини-парламент — “Реввоенсовет пяти”»; «по примеру махновской “Декларации” для налаживания жизни на занятых “армией” Серова территориях была принята квазиконституция»; отряд Охранюка был разбит в Челябинской губернии около Орска; «после этого разгрома атаман с сотней сабель вернулся в Поволжье» [115].

Исследователи сосредотачивали внимание преимущественно на наиболее значительных крестьянских восстаниях и выступлениях. Можно говорить о публикациях двух типов — специально посвященных повстанчеству и работах, затрагивавших эту тему косвенно, в рамках иного исследовательского проекта. В первом случае, в публикациях середины 1990-х годов, наблюдаются понятные и объяснимые неточности и ошибки. Значительно больше вопросов вызывает их повторение и появление новых позднее. В работах второго типа авторы, как правило, использовали публикации предшественников преимущественно в качестве источников фактического материала. Несмотря на уже существующий массив работ, где события изложены достаточно последовательно и подробно, и публикаций документов, некоторые авторы либо повторяли зады историографии советской, либо преподносили известные (но не им) факты как нечто совершенно новое. И если в 1990-х годах были проблемы с информационным обменом даже между регионами, то в дальнейшем благодаря Интернету такой проблемы не стало. Поэтому когда сегодня автор ссылается только на «советские» работы или на работы первых постперестроечных лет, это уже является определенным маркером¹.

Повторимся, что временные границы между первым и вторым периодами более чем условны. Мы имеем в виду не полное прекращение определенного типа работ до и появление принципиально новых после конкретного временного рубежа. Логически рассуждая, накопленная информация создает базу для анализа — и такое наблюдается в отдельных работах первого периода. Поиск новых данных продолжается и после 2000-го года — самый масштабный, на наш взгляд, проект такого рода инициирован А. В. Посадским. Итогом можно считать выход содержательных томов: «Крестьянский фронт 1918—1922 гг.» (2013), «От “германской” к гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты» (2014), «“Атаманщина” и “партизанщина” в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры» (2015), «Вожаки и лидеры Смуты. 1918—1922 гг. Биографические материалы» (2017) [76; 101; 20; 28]. Исследователями многих субъектов изучены местные архивы, даже архивы ФСБ, отработаны соответствующие фонды. Разумеется, это вовсе не означает, что поиск завершен; скорее поиски стали сложнее и стали отнимать больше времени при меньшей эффективности.

Мы не утверждаем, что второй период есть новый ощутимо качественный этап развития разработки проблемы. Отличие, как нам кажется, заключается прежде всего в появлении, условно говоря, третьего типа публикаций — сугубо аналитических или, по крайней мере, позиционирующих себя таковыми.

Без преувеличения рубежным моментом в отечественной историографии рассматриваемого нами региона можно полагать выход нескольких серьезных томов документов и материалов о крестьянском движении. Прежде всего это реализация проекта Института российской истории РАН по изданию четырехтомного сборника документов и материалов «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939». Первый том, охватывавший период 1918—1922 гг., увидел свет в 2000 г. [135]. В 2002 г. вышел том «Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы» под редакцией В. П. Данилова и Т. Шанина [77]. Опубликованными оказались, вероятно, все известные важные документы повстанческого лагеря — выскажем предположение, что в обозримом будущем не придется ожидать прорыва и появления новых текстов, сопоставимых с «Декларациями» и иными программными документами. Это создало иллюзию, что поисковая работа исчерпала себя, а все материалы, необходимые и достаточ-

¹ Ю. А. Ильин, касаясь выступления Сапожкова, основывается на статьях В. В. Кондрашина [70] и Т. В. Осиповой [100] 1996 г. Делая ссылки на хронику (Троцкий В. В., Демидов А. Д. 1920 г. в Средневолжском крае. М. ; Самара, 1934), он называет одного из авторов Троицким. А. В. Лукьянов использует в качестве источника фактической информации книгу Д. Л. Голикова о крушении антисоветского подполья в СССР [87, с. 30].

ные для анализа, установлены и доступны для изучения. Мы полагаем, что связано это также с появлением новой генерации историков, более сориентированной на западный стиль исследований. Вслед поколению исследователей, прекрасно знакомому с советской историографией, выросших на ее методологии, уважающему факты и знающему их цену, пришло новое поколение, уже разорвавшее с советской традицией и значительно более сориентированное на методологию западной историографии.

До конца советской эпохи зарубежные авторы, интересовавшиеся повстанчеством в России, находились совершенно в равных с советскими историками условиях: и те, и другие были серьезно ограничены в возможностях доступа к архивам и иным материалам; исключением была разве что имеющаяся у иностранцев возможность работы с эмигрантской мемуарной литературой. На современном этапе возможности изменились, однако подходы остались прежними. Западные авторы используют старые советские публикации, практически не обращаясь к современным¹. Причина этого достаточно понятна: несмотря на идеологическую заостренность советских работ, определенное количество фактов в них содержалось, и этого было достаточно. Прежде было достаточно, поскольку иных источников просто не было; а теперь достаточно, поскольку детали и нюансы в принципе никому не нужны. Свойственный западной историографии прием, кардинально отличный от отечественной источниковедческой традиции, заключается прежде всего в выдвижении базового тезиса и последующей его иллюстрации фактами. Тезис, что западным авторам не известны многие новейшие российские работы, — факт, но не объясняющий довод². При наличии Интернета желающий легко может, но не торопится это сделать. Достаточно странно выглядит ситуация: российские историки должны публиковаться в западных изданиях³, чтобы дать информацию, хотя простая логика подсказывает, что русисты обязаны как можно детальнее изучать литературу на русском языке, не ограничиваясь специально переведенными текстами. Как нам кажется, главное различие подходов хорошо видно из следующего тезиса: западная историография «при имевшихся недостатках, выдвинула немало интересных идей, учитывающихся в отечественной исторической науке» [22, с. 206]. Подход, когда выдвижение «интересной идеи» есть исходная задача, а функционал фактического материала лишь аргументирование ее, к сожалению, во второй период становится все более распространенным.

Образцом публикаций нового подхода можно считать книги П. Ф. Алешкина и Ю. А. Васильева⁴. Они четко сформулировали свое видение и перспективы развития темы: «Объективное исследование событий того времени в масштабе всей страны еще только начинается. Речь идет не только и не столько об описательной стороне отдельных восстаний, выступлений, волнений — *важнее объяснить* [курсив наш. — Д. С.], чем было вызвано крестьянское протестное движение не в отдельных регионах, а повсеместно по всей стране» [14, с. 3].

Как видим, задача заявлена четко: анализ крестьянского движения указанного периода по стране в целом. Впрочем, авторы затем корректируют объект исследования до

¹ Интересные данные об этом приводит Д. Ю. Бородин [22], проанализировавший советские источники в работах современных западных авторов по конкретному восстанию — Западно-Сибирскому.

² «В то же время зарубежные русисты пока еще слабо информированы о степени разработанности истории западносибирского восстания 1921 г. в России» (Д. Ю. Бородин) [22, с. 206].

³ «Необходим выход на качественно иной уровень взаимодействия между российскими историками и русистами из других стран, налаживание диалога на подлинно профессиональной основе» [22, с. 206].

⁴ В 2010 г. вышла их книга «Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствия (1918—1922 гг.)»; в 2012 г. она была переиздана как «Крестьянские восстания в России в 1918—1922 гг. От махновщины до антоновщины». В 2017 г. в Интернете появились цифровые книги, изготавливаемые под заказ: Алешкин П., Васильев Ю. «Крестьянские восстания в Советской России (1918—1922 гг.): в 2 т. (изд-во «Издательские решения», [б. г., б. м.]) и Алешкин П., Васильев Ю. «Причины и корни крестьянских восстаний в Советской России (1918—1922 гг.). Статьи» (изд-во «Издательские решения», [б. г., б. м.]).

«самых значительных крестьянских восстаний против советской власти в условиях политики военного коммунизма в 1918—1922 годах»: «чапанка», «вилочное восстание», «махновщина», «антоновщина», «серовщина», кронштадтский мятеж и т.п. Стоит обратить внимание на то, что авторы, тем не менее, берут только сопротивление советской власти — борьбы крестьян с какими-либо иными политическими силами для них не существует, хотя встречается упоминание про «зеленых»: «партизанские крестьянские отряды “зеленых” боролись против белых не менее решительно, чем против красных» [14, с. 151]. Позиция авторов: протест был повсеместным, что было «ответной реакцией на политику военного коммунизма... произвол местных органов советской власти, продработорников, продотрядов представляется не причиной, а следствием военно-коммунистического эксперимента» [14, с. 524].

Среди упоминаемых «значительных крестьянских восстаний» есть выступления Сапожкова и Серова. «Декларация» Серова была объявлена ни много ни мало «политической программой протестного движения против политики советского государства» [14, с. 254], а сам Серов — борцом, даже истребителем коммунистов («его формирования... совершали массовые расправы над коммунистами и сторонниками советской власти») [14, с. 172]¹. При этом у авторов нет ни одной ссылки на источники, налицо фактические ошибки² и очень высокий уровень теоретических обобщений: «Коллективная идентичность российского общества после завершения открытого гражданского противоборства представляла собой совокупность шрамов в коллективной российской душе. Шрамы были оставлены вынужденным отказом от прежней идентичности» [15, с. 3].

В отдельных статьях П. Ф. Алешкин показал себя активным сторонником тезиса о единстве всего крестьянского протеста по стране: «Объяснение подобной картины заключается, во-первых, в природе самого крестьянского сообщества, во-вторых, в проведении единой государственной политики на территории всей страны — политики военного коммунизма, основанной на марксистском видении строительства нового общественного устройства. Общность условий создавала характерную тождественность протеста со стороны одного и того же субъекта в лице крестьянского населения. Социальная среда и сходные экономические условия в разных местах порождали одинаковые приемы борьбы с властью» [12, с. 150]. Но при этом у крестьян «не было единства взглядов и политических устремлений» — «повстанцев объединяло лишь общее протестное неприятие государственного режима» [12, с. 151]. В ряде статей автор касался крестьянского движения в Тамбовской губернии [6], в Поволжье (объединяя в одно целое «чапанку», «вилочное восстание» и «серовщину») [6], в Западной Сибири [7]. Отметим, что статья о «типологической общности и особенностях крестьянского повстанчества» в Западно-Сибирском восстании была основана (судя по ссылкам) на двух томах «Сибирской Вандеи», вероятно, самого большого по объему сборника материалов по этому восстанию, опубликованного в 2000 г. [133], первом томе «Советской деревни» и сборнике документов по восстанию в Тюменской области, изданном в 2000 г. Тем интереснее, что в статье 2011 г. «Протестное движение сибирского крестьянства в 1920 г.» автор назвал данное восстание «малоизвестной страницей протестного движения крестьянства Сиби-

¹ Для сравнения процитируем документы: «Признавая за коммунизмом великое будущее...» (§ 5 «Декларации» Серова) [116, с. 276]; «ни один волос не только с головы красноармейца или честного гражданина, но даже с головы того же коммуниста не пал по нашей вине...» (из листовки Серова) [116, с. 277].

² «Сапожковцы заняли Бузулук и станцию Погромная» [14, с. 160] (на деле дивизия и была дислоцирована к началу «мятежа» в селе Погромном, после чего образованная «Армия Правды» пошла на Бузулук); из Бузулука часть сапожковцев пошла на Оренбург [там же] (надо владеть картой, чтобы понять, что именно из Оренбурга и двигались карательные части, а потому рассчитывать на поддержку там не приходилось). Впрочем, карту действительно следовало бы знать — Башкирской губернии, о которой сообщают авторы [там же], никогда не существовало (были Уфимская и Башреспублика).

ри в 1920 г.», потому именно он выяснил «причины массового крестьянского протеста, его особенности в Сибири и результаты» «на основе архивных документов» [11, с. 14].

В сходном стиле созданы статьи челябинского исследователя С. И. Панькина, в 1990-х гг. писавшего об «армиях» в Челябинском уезде [2; 3], кандидата социологических наук (2011). Круг его публикаций охватывает ряд сюжетов: особенности повстанческого движения на Южном Урале в 1919—1922 годах [104], военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920—1921 гг. [105]; политическая платформа повстанческого движения на Южном Урале 1920—1922 гг. [106]; характеристика повстанческих вооруженных формирований на Южном Урале в 1920—1922 гг. [107]; опыт мирного разрешения вооруженных конфликтов власти и оппозиции на Южном Урале в 1920—1922 годах [108]; особенности тактики повстанческих соединений на Южном Урале в 1920—1922 гг. [109]; модели возникновения выступлений и организация повстанческих структур управления на Южном Урале в 1920—1922 гг. [110]. Объектами рассмотрения являются следующие выступления: восстание Черного орла, выступление Сапожкова, «Голубой армии», Красной Армии Башкирии, «военрука Башкирии» Ф. Магасумова, «Зеленой армии», Западно-Сибирское восстание, выступление Серова и Охранюка. Получается, что регион Южного Урала взят достаточно расширительно.

В 2013 г. С. И. Панькин взялся рассматривать «политическую платформу повстанческого движения на Южном Урале», тем самым изначально объединив повстанческое движение региона в одно целое. И хотя автор утверждает, что ему удалось выявить «особенности идеологий в различных очагах с учетом национального и социального состава участников движения», а также показать «развитие основных идей и постулатов повстанчества в рассматриваемый период», на наш взгляд, ему не удалось это сделать. Его итоговое суждение: «...основными постулатами повстанческой идеологии в 1920—22 гг. выступали верность революционным завоеваниям, антикоммунизм, а также религиозные мотивы, зачастую сливавшиеся с антисемитскими выпадами» [106, с. 122]. По нашему мнению, это совершенно не соответствует реальности, как, впрочем, и тезис о единой платформе движения. Более чем очевидно, что никакого идейного единства в названных выступлениях быть не могло априори: в них задействованы татары, башкиры, казаки, красноармейцы, крестьяне, горожане — группы населения с разными представлениями, интересами и устремлениями, да и разброс политических симпатий охватывает республику Советов, монархию, против коммунистов, за Учредительное собрание. Автору свойственны достаточно «громкие» заявления, впрочем ничем не подтверждаемые или доказываемые¹, досадны (как и показательны) мелкие ошибки в деталях².

¹ «Мобильные группы [имеются в виду отряды Сапожкова и Серова] в 1920 и в 1921—1922 гг. не стремились где-либо закрепиться, их целью было уничтожение членов РКП(б), и разгром продовольственных складов, и антисоветская агитация» [105, с. 117]; «Требования русских крестьян мало чем отличались [от башкир], причины и основные цели были идентичными» [106, с. 120]; «“Сапожковщину”, как явление, стоит рассматривать как форму военной оппозиции, поиск альтернативы коммунистической идее и крестьянской стихии в виде заговора и последующего мятежа» [106, с. 119]; «заслуживающими внимания особенностями отличается политическая практика повстанцев Башкирии и партизанских отрядов Челябинской губернии осенью 1920 г.» [106, с. 118], «название, данное восставшей части — “1-я Красная Армия Правды”, — несло в себе двойной смысл. Она становилась базой для формирования вооруженных сил нового типа, “войск Правды” — подлинной Красной Армии, верной идеям революции, в отличие от “ведущей захватнической войны” РККА, кроме того, в понятии “Армия Правды” выделяли политическую организацию, провозгласившую борьбу с режимом» [106, с. 119]; с целью мирного урегулирования конфликтов (!) повстанцы и власти «руководствовались не “революционной законностью” или религиозными заповедями, а исходили из принципов международного права (sic!!) и здравого смысла» [108, с. 56]; отряды А. Сапожкова, В. Серова, Г. С. Охранюка-Черского «имели четкое направление движения и чередовали рейды с попытками поднять восстания в определенных районах» [109, с. 57].

² Воззвание Охранюка «Ко всему беднейшему... и угнетенному... населению» [106, с. 119] на деле называлось «Ко всему беднейшему, обиженному и угнетенному крестьянству и рабочему населению Россий-

Рассмотрим основные понятия и ключевые вопросы, в отношении которых в существующей литературе наблюдаются расхождения и споры. Подчеркнем еще раз, что мы берем прежде всего литературу о событиях на Южном Урале, хотя и в несколько расширенных пределах. Соответственно наши наблюдения и выводы касаются не повстанчества вообще, но конкретных выступлений в рассматриваемом регионе.

О термине «крестьянская война». Хронологически термин «Великая крестьянская война» применительно к периоду крестьянских восстаний и повстанчества 1920—1921 гг. в отечественной историографии был использован впервые в 1999 г. в нашей монографии [72, с. 27; 75, с. 37; 116]. Кстати, тогда же при обсуждении книги на кафедре истории России МГУ этот термин был подвергнут критике, и в докторской диссертации он использован не был. Позднее сомнение в приемлемости использования такого высказал В. В. Кондрашин, считая это чрезмерным преувеличением значения повстанческого движения в Гражданской войне [75, с. 37]. Заметим, что предложенный нами термин был более эмоциональным по своей сути. Исходя из продолжавших существовать на тот период (конец 1990-х гг.) критериев крестьянских войн, принятых в советской историографии (массовость участия, значительность территории, охваченной движением, существование программы действий у восставших), происходившее вполне соответствовало им. Стоит напомнить, что советская историография связывала крестьянские войны только с феодальным строем. Достаточно было отказаться именно от этого момента, и все стало на свои места. Разумеется, события 1920—1922 гг. по ряду позиций отличались от крестьянских войн XVII—XVIII вв., и прежде всего тем, что в отличие от них выступления крестьян наблюдались практически повсеместно: «И хотя организованное единство между ними в большинстве случаев отсутствовало, зато есть единство причин, единство требований — в общем, единонаправленность протеста. Именно уникальный размах крестьянского протеста позволяет говорить о “Великой крестьянской войне”» [116, с. 3]. Так что предложенный термин основывался не на силе и организованности протеста, не на единстве взглядов и лозунгов, как это понял В. В. Кондрашин, а прежде всего на уникальных масштабах протеста [123].

Тем не менее достаточно скоро термин стал использоваться историками с собственным пониманием и наполнением: о крестьянской войне говорил И. В. Нарский [93, с. 14], позднее, в 2014 г., уточнивший временные рамки таковой: осень 1919 г. — весна 1921 г. [94, с. 43]. Весьма эмоционально в 2003 г. писал В. Л. Телицын: «Крестьянская война, более мощная, чем восстания XVII—XVIII вв., взметнулась весной-летом 1920—1921 гг. над Украиной, Поволжьем, Черноземьем и Сибирью, отозвалась мятежом военных моряков в Кронштадте» [142, с. 311]. П. Ф. Алешкин видел трансформацию крестьянских волнений в Тамбовской губернии в организованную крестьянскую войну [5, с. 7]. О Крестьянской войне 1918—1922 гг. писали П. Ф. Алешкин и Ю. А. Васильев как о «внутреннем фронте» войны Гражданской [15, с. 3].

Но есть и сегодня исследователи, не согласные с использованием термина. Так, А. А. Куренышев указывает, что называть отдельные, хотя и массовые и значимые выступления, такие как «антоновщина», «махновщина» и т.п., «крестьянскими войнами» некорректно [80, с. 48], в чем мы с ним полностью солидарны.

Еще один термин — «атаманщина». В. А. Шуляков полагал это «разновидностью белого добровольческого (партизанского и полупартизанского) движения с участием казачьей республики», отдельные слова в цитируемых документах заменялись другими, пропуски не отмечались отточиями. Охранюк, по утверждению автора, выступил на станции Сороки Оренбургской губернии (на самом деле — Самарской) [107, с. 75], «изначально Охранюк-Черский назвал свою часть «Конно-революционным отрядом» [107, с. 76] — на самом деле он назывался «первый революционный конный отряд».

зачества» [160, с. 37]¹; «это консервативное, религиозно-монархическое, со стремлением к жесточайшей диктатуре и тотальному террору течение Белого движения» [160, с. 40]. «Эмоциональный» вариант — «как определенную оригинальную модель организации власти в эпоху революционного переустройства мира» предложил В. А. Савченко [115]. И наконец, более взвешенная позиция, которую занимают авторы книги «“Атаманщина” и “партизанщина” в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры» [20], — это партизанское движение, равно могущее быть и бывшее и «красным» и «белым», с обязательным лидером — атаманом.

Привлекает внимание склонность авторов нового периода к использованию термина «феномен»: так, В. А. Шулдяков полагал «атаманщину» феноменом Гражданской войны на востоке России [160]. Чересчур много, на наш взгляд, феноменов находил М. В. Филин: феномен «массового и стихийного социального и политического протеста в казачьей среде против политики военного коммунизма и ее рецидивов в ходе перехода к нэпу»; феномен повстанческого движения в Сибири, «нехарактерный для европейской России»: «в Западно-Сибирском восстании объединились интересы казачества и крестьянства»; а также «феномен повстанчества в Поволжье и уральских степях под руководством Василия Серова» [149]. Несколько злоупотребляют термином П. Ф. Алешкин и Ю. А. Васильев, полагая таковым одновременно советское общество («социальный феномен, именуемый советским обществом»), массовый и стихийный социальный и политический протест российского крестьянства в условиях политики военного коммунизма в 1918—1921 гг. и народное повстанчество в Поволжье [15, с. 351]. Также термин часто встречается в статьях П. Ф. Алешкина: «Феномен крестьянского повстанчества в Поволжье: “чапанка”, “вилочное восстание”, “серовщина”» [6]; «чапанная война» [9]; «серовщина» [8]. Существует мнение, что термин «феномен» в международной гуманитарной научной практике является синонимом терминов «явление» и «событие». При подобном толковании его использование в вышеприведенных примерах кажется достаточно приемлемым. Но есть и иное четкое толкование данного понятия — как чего-то необычного, исключительного: во всяком случае, таково наше понимание «феномена» и, судя по контексту, большинства отмеченных нами авторов. С этой позиции единственно допустимым, на наш взгляд (хотя и с некоторыми оговорками), является его использование В. Телицыным в заглавии своей монографии — «“Бессмысленный и беспощадный”? Феномен крестьянского бунтарства 1917—1921 годов» [142]. Мы также использовали данный термин [124; 125], полагая возможным говорить об уникальности протеста против коммунистической власти под коммунистическими же лозунгами, что наблюдалось в зоне между Волгой и Уралом в 1920—1922 г. [122]. Относительно же повстанчества («бунтарства») мы принимаем его прежде всего как историческое явление, со своими чертами и спецификой, но никак не уникальное [128].

Перейдем к анализу самих восстаний. Если говорить о причинах восстаний в регионе, то существует несколько вариантов видения данной проблемы, несмотря на, казалось бы, самый распространенный — проводимая политика «военного коммунизма». Однако последнее положение может иметь различные аспекты, в чем мы и убеждаемся, обратившись предметно к работам В. В. Кондрашин [72] и А. В. Посадский [112] видели причины крестьянского недовольства советской властью в Поволжье в проводимой ею продовольственной политике. Казахстанские авторы брали шире: по мнению Е. И. Медеубаева, борьба крестьян 1920—1922 гг. была реакцией «неприятно насильственных-принудительных мер в социально-экономической жизни» [90, с. 82]. «Силовой поли-

¹ Хотя заметим, что четко объяснить предлагаемое им деление белых на «партизанские», «полупартизанские» и «атаманские» отряды автору не удалось.

тикой большевиков в годы Гражданской войны» объясняла повстанчество Л. А. Гривенная [34, с. 18].

Большинство историков применительно к южноуральскому региону видели корень всех бед в злоупотреблениях на местах и оттого массовое недовольство продразверсткой (Н. Третьяков [143], В. С. Кобзов, Е. П. Сичинский [66, с. 153]; И. В. Шведов, В. С. Кобзов [68, с. 171], И. В. Шведов [155, с. 22]). Как подвариант — мнение О. В. Вепрева и В. В. Лютова о преобладании субъективных факторов: основной причиной выступлений на Южном Урале были «беззакония со стороны местных функционеров» [26, с. 169] и даже «неосознанная провокация» [26, с. 170], кроме того, «повстанческие настроения подогревали кое-где остатки белогвардейцев, а также участников антоновского и кронштадтского мятежей, попавших после разгрома на Урал» [26, с. 177—178].

Другой вариант был озвучен И. В. Нарским: причины восстаний на Урале те же, что и по стране: «у крестьян было собственное видение перспектив революции... Каждый поворот революции подтверждал крестьянское убеждение в необходимости держаться подальше от (городских) властей и как можно герметичнее замкнуться в собственном мире, выстроенном на принципах “моральной экономии”» [94, с. 47].

Но есть и третий вариант: «...причины выступлений типичны как для Урала, так и для любого иного российского региона — недовольство методами утверждения большевиков у власти вообще и их экономической политикой, перемноженные на региональные особенности: особое положение уральских крестьян в хозяйственной системе края, их связи с фабрично-заводской средой, уровень развития товарно-денежных (и вообще рыночных) отношений и прочее» [141, с. 53].

Относительно причин окончания повстанческих выступлений в рассматриваемом регионе отметим две точки зрения. Самым распространенным, с которым солидаризуются большинство историков региона, является суждение, что на Южном Урале «крестьянский протест в итоге был задушен голодом». Но есть и иная позиция, объясняющая все введением нэпа. Еще в 1997 г. В. С. Кобзов и Е. П. Сичинский первыми высказались в пользу того, что «после отмены продразверстки и введения свободной торговли излишками продовольствия резко на убыль пошло повстанческое движение» [66, с. 164]. Сходный тезис заявил в 2002 г. В. Л. Телицын: осенью 1921 г., «когда на практике проявили себя нэповские принципы, волнения, охватившие уральские губернии, постепенно улеглись. Последовавшие в 1922 г. новые либеральные послабления в экономике позволили большевикам нейтрализовать и участников антисоветских выступлений, и тех, кто их поддерживал. И это не случайно, так как появилась возможность свободно торговать, рассчитываться с государством по твердым налоговым ставкам и проч. Все ударились в хозяйствование» [141, с. 58].

Еще более комплиментарно в адрес региональных органов советской власти писал П. Ф. Алешкин: «Методы подавления и ликвидации крестьянских выступлений и восстаний со стороны органов Советского государства продемонстрировали, помимо репрессивных мер, комплекс оперативно-военных, экономических, политических мероприятий. Переход к нэпу не мог осуществиться сразу: последствия политики военного коммунизма проявлялись еще долгие месяцы, порождая воспроизводство новых протестных явлений. Лишь в 1922 г. крестьянство почувствовало реальные преимущества новой экономической политики» [12, с. 152]. Мы однозначно поддерживаем первый вариант. Против второго выступает даже логика: этот тезис можно понимать так, что с изменением экономических условий в лучшую сторону мятежники потеряли интерес к сопротивлению и поспешили вернуться к мирной жизни. Вопрос в том, кто бы им разрешил вернуться?

На заключительном этапе повстанчества в регионе стратегический курс властей был на полное уничтожение противника.

Еще одна проблема — оценка действий повстанцев. Она ощутимо менялась на протяжении всего постсоветского периода. Для советского периода такой проблемы как раз не существовало — все участники антисоветских мятежей изначально были бандитами и совершали уголовные преступления. Предложенные И. Я. Трифоновым «уточняющие» термины — «политический бандитизм», «военно-политический бандитизм», «кулацкий бандитизм», «кулацкий политический бандитизм» [144, с. 39] — несколько усложняли схему, но сути не меняли. В 1995 г. В. А. Лабузов первым в региональной историографии фактически отказался от упрощенного восприятия крестьянских выступлений того периода как однозначно бандитских, т.е. уголовных [83]. Своеобразной уступкой господствующим представлениям было замечание, что «враждебные Советской власти формирования в скором времени превращались в банды» [83, с. 62], а «оппозиция в скором времени скатилась к разбоям и грабежам» [83, с. 177]. Данную мысль можно принять и сегодня, с той поправкой, что «могли» превращаться, ибо хотя грань тонка, но не абсолютна. В публикации 1998 г. Л. И. Футорянский и В. А. Лабузов справедливо отмечали, что было бы глубоко неверным полагать «восставшими» любые вооруженные группы, появившиеся в регионе [152, с. 20]. Предложенные ими критерии анализа выступлений с целью определить характер таковых апробированы так и не были.

Тем более что достаточно скоро при активном участии публицистов и краеведов облик повстанцев в общественном сознании стал исключительно положительным, и даже робким сомнениям места не находилось. Мы абсолютно согласны с суждением В. В. Кондрашина о том, что совершенно неверно излишне идеализировать повстанцев, представляя их нередко как «рыцарей без страха и упрека», как современных «Робин Гудов» [72, с. 21]. Впрочем, даже при заявленной готовности признавать подобные социальные конфликты политическими по сути, а крестьян — не уголовниками, а повстанцами авторы частенько использовали и используют устаревшую терминологию о «мятежах» и «бандах»¹. И дело здесь не только в употреблении «правильных» и «неправильных» терминов — в итоге меняется смысл. Вероятно, влиял некритический подход отдельных исследователей (преимущественно начинающих) к текстам источников — партийные и чекистские сводки говорили исключительно о «бандах».

В итоге в региональной историографии мы наблюдаем три подхода. Первый: в регионе оперировали банды, власти боролись с бандитами [66, с. 157, 164]. Второй: начав действовать как идейные противники власти, повстанцы порой совершали уголовные преступления, которые из-за своей повторяемости в итоге похоронили «идейный» протест: «Грань, разделявшая оперировавшие в большом количестве в крае повстанческие, красноармейские и разбойные группы, часто размывалась, и отряды меняли “окраску”» [104, с. 180]. Достаточно нейтрально писали об этом казахстанские авторы применительно к Западно-Сибирскому восстанию: «Участники Западно-Сибирского восстания применяли широкомасштабный террор, направленный на коммунистов, советских работников, продкомиссаров, милиционеров и членов их семей. Иногда в действиях повстанцев проявлялись явно садистские наклонности и побуждения, цинизм, мародерство, грабежи, неоправданно жестокие насилия и убийства...» [36, с. 9]; «Шла жестокая расправа над советскими служащими и членами партии. В сильные морозы их окунали в ледяные проруби и насмерть замораживали на открытом ветру» [91, с. 238]; «В ходе таких столкновений совершенно дикие по своей жестокости расправы были характерны для обеих

¹ М. И. Вебер упоминает нашу хронику крестьянского движения на Южном Урале [117], называя ее почему-то хроникой «крестьянских мятежей» [25, с. 14].

сторон. Например, повстанцы в Петропавловском, Кокчетавском уездах пойманных коммунистов и советских работников клали на козлы и распиливали пилой, голыми опускали в колодцы, затем вытаскивали и замораживали на морозе в 30—40 градусов» [91, с. 239]¹.

А. В. Лукьянов связывал превращение повстанцев в бандитов с поражениями, которые они стали терпеть от Красной Армии: «С началом поражений повстанцы начинают разлагаться и конфликтовать друг с другом. ...Из защитников крестьян, после ряда случаев открытого грабежа, увода скота и отбора остатков хлеба, они перевоплощаются в шайки уголовных элементов, бандитов и грабителей» [87, с. 31]. Хронологически эти качественные перемены автор не фиксировал, но показательно, что в повествовании о событиях 1921 г. он пишет «банды», взяв слово в кавычки, а о событиях 1922-го — уже без кавычек.

Как вариант — суждение Л. А. Гривенной: «...к восставшим примыкали уголовные элементы, в том числе из тюрем, освобождаемых во время захвата повстанцами уездных городов, в которых находились дома лишения свободы, концентрационные лагеря» [36, с. 9].

Третий подход: повстанцы и бандиты существовали как бы параллельно — например, суждение Р. А. Давлетшина: «...наряду с повстанчеством размах приобрел политический бандитизм» [42, с. 44]. Аналогично А. Н. Шагланов: «...как правило, наибольшую тенденцию к развитию политический бандитизм получал в районе развития повстанческого движения и крестьянских восстаний» [153, с. 50]. Серьезный изъян данного подхода — в его неопределенности, как понятийной, так и терминологической. Предлагаемая А. Н. Шаглановым дифференциация на «повстанческие формирования» и «повстанческие бандформирования», на наш взгляд, еще более запутывает картину.

Теоретически рассуждая, можно признать возможность существования в реальности всех трех отмеченных выше подходов, но показательно, что никто из названных авторов не взял на себя ответственность предложить четко определенные понятия, их содержание и отметить предметно качественный рубеж перехода политики в уголовщину. В целом же насилие и жестокость не были прерогативой какой-либо одной из противоборствующих сторон — они, на наш взгляд, были неизменной составляющей внутри любого социального протеста [под покровом].

И все же уместно указать, что в соответствии с пунктом 3 Указа Президента РФ № 931 от 18 июня 1996 г. «О крестьянских восстаниях 1918—1922 гг.» установлено, что крестьяне — участники восстаний 1918—1922 гг. не могут быть признаны участниками бандформирований в трактовке пункта «в» статьи 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» [61, с. 198].

Многие авторы оценивали действия повстанцев как контрреволюционные, антибольшевистские, антикоммунистические и антисоветские. В принципе это своеобразный реверсный след оценок из советской историографии. Достаточно курьезно, что оценки остались прежними, изменился только некоторый контекст — если ранее подобные моменты звучали если не как приговор, то точно как серьезное обвинение, то в новых условиях, с новыми идеологическими установками антикоммунизм, антисоветизм и даже контрреволюционность перестали быть «компроматом», а напротив, превратились, особенно в публикациях первого периода, в едва ли не достоинство повстанцев. Доказывать что-либо из названного казалось излишним — кем еще могли быть те, кто боролся против большевиков и коммунистов, как не антикоммунистами? Если коммунисты олице-

¹ Обращает на себя внимание, что указанные факты Е. И. Медеубаев берет из доклада члена Кокчетавского уездкома РКП(б) Ф. В. Воронова в ЦК РКП(б) и Омский губком 31 марта 1921 г., опубликованного в республиканской партийной прессе в 1991 г.

творяли революцию, значит, их противники контрреволюционеры. И по той же логике: раз коммунисты были за советскую власть, то повстанцы — против. В отношении контрреволюционности крестьян мы разделяем точку зрения В. В. Кондрашина: восстания «не имели контрреволюционного характера, не были направлены против завоеваний революции: советской власти и аграрного законодательства большевиков 1917 года» [75, с. 29]. В оценке антисоветского и антикоммунистического характера протеста В. В. Кондрашин солидарен с нами: «...массовая антикоммунистическая направленность крестьянских восстаний вовсе не является доказательством того, что крестьяне России были не согласны с Лениным, Троцким и т.д.», «выступая против коммунистов, они имели в виду исключительно “своих”, местных — именно их действия, действия конкретных лиц, были основной причиной крестьянских выступлений» [116, с. 38, 71]. Уточним только, что данные выводы были нами сделаны только для Южного Урала, без претензий на всеобщность.

Привлекает внимание факт, что современные авторы в массе своей делают чрезвычайно важные заявления, не затрудняя себя доказательной стороной. Так, например, Е. В. Русакова и О. Г. Попова сообщают, что «после появления в деревнях продотрядов и комбедов, после введения в январе 1919 г. продразверстки *основным пунктом программ* (курсив наш. — Д. С.) восставших становится лозунг: “За Советы без коммунистов!”» [114, с. 153]. Сходно бездоказательно А. В. Двойных писал, что «в *большинстве крестьянских восстаний* на территории Советской России в качестве главного лозунга на тему власти выдвигался лозунг “За советы, но без коммунистов”» [44]. На вполне резонный вопрос — а в меньшинстве? — ответа не было. Достаточно небрежно объединяют в одно целое лозунги из разных выступлений П. Ф. Алешкин и Ю. А. Васильев [14], в итоге сводя все к одному: «...крестьянское понимание справедливого общественного устройства, выразившееся в протестном движении, сводилось к лозунгу “Советы без коммунистов”» [14, с. 525].

Сходным образом местные историки конструировали главные лозунги повстанцев — «За советы без коммунистов» и «Долой продразверстку», по их мнению, наблюдаемые практически везде: в Западно-Сибирском восстании, в восстании «Черного орла-земледельца», в мятеже Сапожкова и выступлении Охранюка (И. В. Шведов, В. С. Кобзов) [156, с. 202]. Несколько позже один из соавторов — И. В. Шведов — предложил собственную реконструкцию «основных лозунгов» восставших всего Урала: требование отмены продовольственной разверстки, установления жесткого контроля над деятельностью продотрядов, удаления из Советов коммунистов, проведения справедливых выборов в местные органы власти, реже — созыва Учредительного собрания [155, с. 22]. Тем интереснее, что в 2017 г. свой перечень «основных лозунгов восставших» всего Урала предложил второй соавтор — В. С. Кобзов: отмена разверстки, контроль над продотрядами, удаление из советов коммунистов, справедливые выборы, борьба с пролетарской властью [68, с. 175]. Е. И. Медеубаев называл «главные лозунги» Западно-Сибирского восстания — «Долой продразверстку!», «За свободную торговлю и Советы без коммунистов!», при этом определяя их как «эсеро-меньшевицкие» [91, с. 241]. В. Б. Безгин четко сформулировал мысль, что лозунги «есть концентрированное выражение цели движения» [21, с. 10]. Он же анализировал лозунги повстанчества как отражение крестьянского менталитета. Собственно, в том же ключе лозунги оценивают и вышеуказанные авторы. Полностью соглашаясь с идеей, мы, тем не менее, задаем логичный вопрос, на который никто из авторов не давал ответа: поскольку в повстанческих выступлениях принимали участие также горожане, рабочие, красноармейцы — представители иных социальных групп, то насколько лозунги отражали их менталитет?

Вполне резонно поставить вопрос, что считать лозунгом того или иного выступления, т.е. тем положением, тем слоганом, который определял суть конкретного протеста. Если взять, например, выступление Сапожкова, то достаточно распространенным считается мнение, что основным был лозунг «Долой продразверстку, да здравствует свободная торговля!» [148, с. 123; 90, с. 82]. А между тем на дивизионном митинге Сапожковым был выдвинут лозунг «Долой спецов, вчерашних контрреволюционеров, да здравствуют наши старые вожди с 1917 года»; в декларативной части приказа № 1 объявлялся лозунг «Вся власть Советам, действующим по программе партии большевиков на основе Конституции социалистической республики»; по свидетельству чекиста Балашева, сапожковцы вступили в Бузулук с красным знаменем, на котором было написано: «Долой яйца и масло, да здравствует соль» [116, с. 142—143]; текст на знамени из другого источника: «Долой яичников и масленников» [58]. Если обратиться к существующим публикациям, то можно найти еще не менее пяти иных лозунгов¹.

Следующим шагом от признания единства крестьянских лозунгов является признание наличия у повстанцев единой программы. А. В. Двойных объединял «крупнейшие крестьянские восстания» в годы Гражданской войны: «Антоновщина», «Чапанная война», «Восстание Черного орла-земледельца», «Сапожковщина», крестьянские восстания в Сибири в 1920 г., Западно-Сибирское восстание 1921 г., крестьянские отряды Вакулина — Попова — Серова — Аистова в Поволжье [44, с. 3]. Анализируя документацию названных восстаний, он ставил задачей сформулировать основные положения политической программы крестьянского повстанчества против большевистской власти. Аккуратно оговариваясь, что «политическая программа крестьянского повстанчества не являлась каким-то одним конкретным документом», автор предлагал «назвать крестьянские представления о проблемах деревни и страны» по причине единства этих подходов (взглядов), а также их «крестьянского характера» Программой (с большой буквы) [44, с. 70]. В итоге он искусственно формирует эту программу, куда включает поддержку советской власти, протест против диктатуры партии, традиционные гражданские свободы, свободу совести, равноправие всех народов, антисемитизм и прекращение продразверстки [там же], делая обязывающий вывод, что крестьянство было «привержено демократическим принципам и нормам жизни, а также государственного развития страны» [44, с. 71]. Считать, что такая программа существовала, полагает В. В. Кондрашин, есть все основания; он даже называет ее особо — «Программой» [74, с. 95]. Помимо единства подходов у повстанцев он полагает важным аргументом в пользу существования этой «Программы» «героические действия крестьян России в различных регионах по практическому осуществлению ее принципов».

На наш взгляд, тема крестьянской программы является в определенном смысле искусственной. По сути, вся система доказательств единства крестьянского протеста разных регионов страны часто выстраивается на сопоставлении трех-четырех самых крупных опубликованных «протестных» документов: Декларации Серова — Долматова, Программы антоновского Союза трудового крестьянства в Тамбовской губернии, резолюций гарнизонного собрания мятежного Кронштадта 1 марта 1921 г. (М. В. Филин) [149]; «Декларации съезда представителей крестьянской Армии» (Центральная Сибирь, октябрь 1919 г.), «Программы истинного советского социального строя» Н. Махно (анархизм, 1919 г.), программы «Союза трудового крестьянства» (Е. В. Русакова, О. Г. Попова [114, с. 153]; Декларации Серова, Программы Н. Махно, резолюции и политической програм-

¹ Например, И. В. Нарский указывал лозунг «Яко с нами бог, долой коммунистов, да здравствует свободная крестьянская жизнь!» [93, с. 332].

мы Ф. К. Миронова (П. Ф. Алешкин) [7, с. 285; 13]; документов тамбовского восстания, Кронштадта и Западно-Сибирского восстания (И. В. Шведов) [155, с. 22].

Само по себе желание выйти за рамки локальных и региональных событий и попытаться прийти к аналитике, обобщению понятно и логично. Но стоит обратить внимание на приемы реализации этого желания. Отдельные выступления основной массой авторов-аналитиков игнорируются. Трудно отделаться от ощущения, что авторы работ, претендующих на обобщения или системный анализ событий, делают ссылки на архивные фонды исключительно для поддержания видимости самостоятельного исследования; основная же часть документов берется все из тех же сборников документов. Аргументация выбора объектов анализа не выдерживает критики: что именно названные восстания наиболее массовые, наиболее организованные и потому самые репрезентативные. Между тем есть выступления, даже в рассматриваемом нами регионе, которые остаются за рамками исследований — например действия «цветных» армий в Челябинской губернии. Причиной тому мы полагаем факт, что лозунги и призывы этих «армий» не вписываются в уже готовую картину обобщенного видения повстанческой «Программы». Впрочем, точно так же полностью не вписываются и протест башкир, и «коммунистическое повстанчество» Сапожкова. На деле картина была значительно сложнее. Вот и приходится авторам прибегать к рассуждениям о якобы преобладающих лозунгах, о настроениях «большей части» повстанцев, о всеобщности протеста и т.п., ограничиваясь самыми общими фразами о региональных особенностях, не углубляясь в этот вопрос. Поэтому мы солидаризуемся с А. В. Михайлюком, полагающим, что «вопрос о политической программе крестьян в революционных событиях ставить не совсем корректно», как и вопрос о крестьянской идеологии [92, с. 124].

Вольно или невольно, но все авторы сводят повстанчество к борьбе против коммунистов. Но была борьба крестьян и против белых. Отметим лишь несколько примеров по нашему региону. В конце 1918 г. фиксировались акты неповиновения призыву в Народную Армию в ряде населенных пунктов Уфимской губернии, случаи неповиновения уездной милиции в Оренбургской [117, с. 234—235]. В марте 1919 г. в с. Новиницком Орского уезда Оренбургской губернии после угроз дутовцев сжечь село за отказ участвовать в мобилизации группа крестьян оказала вооруженное сопротивление, устроив засаду в двух километрах от села и ружейным огнем заставила дутовцев отступить [117, с. 235]. Еще более яркий пример — так называемое Жилиевское восстание 1919 г. в Кустанайском уезде против белых, которое подавляли в том числе оренбургские казаки. Восстание это не особо ценилось в советской историографии по причине последующего выступления Жилиева против коммунистов¹. В дальнейшем это восстание старались не затрагивать, аргументируя, что зона действия Жилиева — Северный Казахстан, а не Южный Урал. Уместно указать, что «Зеленая армия», о которой писали практически все челябинцы, касавшиеся темы, действовала летом 1920 г. в том же уезде. Немногие публикации последних лет (Д. А. Сафонов [119, с. 153—154]; И. В. Курьшев [81; 82]) в большей мере восстанавливают общую картину происшедшего. У авторов обобщаю-

¹ До середины 1950-х годов публикаций об этом восстании почти не было: в 1922 г. в Оренбурге вышла небольшая книга участника событий И. Грушина «История Жилиевского восстания» [41] (в настоящее время в Оренбуржье нет ни одного экз.), а в 1932 г. «партизаны Кустаная» запретили печатать брошюру тов. Виенко «Кустанайский отряд» по причине ее «неправдоподобия» [142, с. 4]. Только в 1957 г. С. Ужгин и Н. Фролов, явно пытаясь совместить несовместимое — борьбу партизан против Колчака и последующий конфликт Жилиева с коммунистами, — предложили версию существования в данном случае «особого политического мировоззрения» — кулацко-эсеровского течения в партизанском движении [там же]. Продолжением они полагали действия «зеленой банды Охранюка», якобы пытавшегося прорваться именно в Кустанай для завершения начатого мятежа [там же].

ших трудов объяснений умолчанию нет, хотя и так понятно: данное восстание никак не попадает под критерий «антисоветского» или «антикоммунистического». То, что количественно выступлений против «белых» было меньше, совершенно ничего не говорит о крестьянских взглядах, а только об отсутствии соответствующей информации.

Подводя некоторые итоги, отметим положительные результаты:

1. Восстановлена основная канва событий конкретных повстанческих выступлений в регионе.

2. Собран и стал достоянием научного сообщества основной массив источников по идейной стороне повстанческого процесса.

3. Существует достаточно четкое представление относительно того, где и как следует продолжать поиск новой информации.

4. Начато изучение внутренней составляющей протеста — идей и программных заявлений.

Среди недостатков укажем:

1. Слабую информированность ряда современных авторов относительно общей историографической картины, порой граничащую с элементарным незнанием современной историографии.

2. Ограниченность многих работ территориальными рамками — как дань историографической традиции.

3. Резкий спад, почти потеря интереса к дальнейшему информационному поиску.

4. Невнимание авторов, особенно претендующих на охват всей страны, к локальным крестьянским выступлениям; низведение таковых к малозначимым статистическим единицам.

5. Чрезмерное увлечение обобщениями и анализом имеющихся опубликованных данных, причем чаще всего со следованием существующим тезисам, например о единстве крестьянского протеста в целом.

6. Сохранение в новейших публикациях фактических ошибок и неточностей, исправление которых требовало бы от авторов большей научной ответственности.

Укажем также несколько моментов, которые, на наш взгляд, требуют дальнейшей углубленной разработки.

Основной и самый распространенный тезис, что крестьянство региона, как, впрочем, и крестьянство страны, протестовало против политики военного коммунизма, требует уточнения: протест против данной власти или против проводимого принимаемой властью неверного, по мнению крестьян, курса? Авторы в массе своей стараются высказываться в общем — что крестьяне были против советского государства¹. Но уместен уточняющий вопрос: а имели ли крестьяне понятие о том, что собой представляло советское государство? На Южный Урал, например в Оренбуржье, советское государство «пришло» только летом 1919 г. Осознавали ли крестьяне региона (а не крестьянство вообще — поскольку говорить об осознании крестьянством себя как единой силы, мягко говоря, неразумно), конкретные крестьяне, в конкретных местах, в конкретное время, что они воюют именно с государством? Наблюдаемая схожесть действий и лозунгов, понимаемая некоторыми авторами как доказательство единства крестьянства, на деле говорит об ином.

¹ Так, И. В. Яблочкина однозначно полагает подобные действия «антигосударственными» [161; 162]. Основное внимание автор уделяет югу страны, по нашему региону практически нет ничего; но заявленные территориальные рамки «Советской России» автоматически делают выводы и наблюдения общими для всей указанной территории. Обращают на себя внимание два момента: необычные хронологические рамки «антигосударственных вооруженных выступлений и повстанческих движений» — 1921—1925 гг. и определение таковых «рецидивами гражданской войны», хотя по распространенному сегодня мнению хронологические рамки Гражданской войны иные.

Включение повстанчества в общий поток крестьянского протеста логически объясняло лозунги и требования повстанцев их крестьянским происхождением. Однако в повстанческом движении контингент более сложный: не только крестьяне, но и представители иных социальных групп. Уместны вопросы: отражались ли требования этих иных социальных групп в общих лозунгах и программах? Насколько идентичными крестьянским реальным воззрениям того периода можно полагать повстанческие программы?

Нам кажется ошибочной почти слепая вера некоторых авторов в то, что та или иная повстанческая декларация или программа есть безусловно квинтэссенция взглядов данного повстанческого коллектива, совершенно негарантированно являющегося крепким объединением единомышленников. На деле все значительно сложнее: наряду с идейными активистами были вовлеченные в протест помимо их воли (как, например, рядовой состав дивизии Сапожкова был поставлен перед фактом, что они теперь есть «Армия Правды»), были вовлекаемые в дальнейшем, опять же по разным мотивам: авантюристы, мстители и т.п.¹ Кроме того, любой протест есть процесс, и потому разработка идейной стороны протестов должна идти параллельно с дальнейшей проработкой событийной стороны. Приведем пример с выступлением Сапожкова, казалось бы, самым разработанным сюжетом. В то же время можно указать несколько важных моментов, должным образом до сих пор не разработанных: действия повстанцев в Бузулуке — конструирование ими «своей» советской власти в городе, или причины ухода «Армии Правды» из Бузулука². Советские авторы были более последовательны — контрреволюционер Сапожков планировал идти на Самару, а потом на Москву. Никто из современных авторов ничего не говорит о тактике повстанцев, об их намерениях и действиях. Между тем очевидно, что необходимо сопоставлять цели, заявляемые в разного рода программах и воззваниях, и реальные шаги по их реализации; различать планы (лозунги), стратегию и тактику действий. Вот почему мы полагаем необходимым продолжение источникового поиска с целью максимальной детализации рассматриваемых событий. Не только лозунги определяли действия, но и реальность (например, вынужденное отступление в казахские степи (Серов)) не могла не влиять на лозунги. Реальность неизбежно изменялась под воздействием разных факторов. Поэтому помимо прочего нужно окончательно отказаться от территориальных границ в исследованиях, поскольку это не способствует лучшему пониманию.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00149 «Феномен “красного” повстанчества в гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

Список использованных источников и литературы

1. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. 450 с.
2. Абрамовский А. П., Панькин С. И. «Голубая армия»: создание, борьба, разгром // Исторические чтения : материалы науч. регион. конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Крушение царизма и гражданская война на Урале» (1997). Челябинск : Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1998. С. 68—70.
3. Абрамовский А. П., Панькин С. И. Повстанческая народная армия сотника Егора Макарова // История Отечества на рубеже веков. Опыт, проблемы, пути, решения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. Ч. 2. С. 54—59.
4. Аксенов А. В. Соль Илецкая: историко-экономический очерк (1754—1965 гг.). Оренбург : ОГПИ, 1969. 172 с.

¹ Мы уже частично затрагивали данный момент в ряде публикаций [127; 129; 130].

² Важный документ с информацией об этом был нами опубликован в 2013 г. [126].

5. Алешкин П. Ф. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1920—1921 годах: истоки, основные этапы, формы социально-политического процесса : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 24 с.
6. Алешкин П. Ф. Феномен крестьянского повстанчества в Поволжье: «чапанка», «вилочное восстание», серовщина. М. : Голос-Пресс, 2006. 40 с. (Крестьянство России: XX век).
7. Алешкин П. Ф. Типологическая общность и особенности крестьянского повстанчества: Западно-Сибирское восстание 1921 г. // Вестник ТГУ. 2007. Вып. 12 (56). С. 281—291.
8. Алешкин П. Ф. Серовщина: Неизвестный феномен Гражданской войны // Свой. 2010. № 8—9. С. 58—63.
9. Алешкин П. Ф. «Чапанная» война: феномен крестьянского повстанчества в Поволжье // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 7 (13) : в 3 ч. Ч. 2. С. 12—15.
10. Алешкин П. Ф. Крестьянский протест в Поволжье: «вилочное восстание» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 7 (13) : в 3 ч. Ч. 3. С. 17—20.
11. Алешкин П. Ф. Протестное движение сибирского крестьянства в 1920 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 8. С. 14—17.
12. Алешкин П. Ф. Типологическая общность крестьянского протестного движения в России в 1918—1922 гг. // Власть. 2011. № 11. С. 150—152.
13. Алешкин П. Ф. Крестьянское протестное движение в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918—1922 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. 47 с.
14. Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствия (1918—1922 гг.). М. : Голос-Пресс, 2010. 575 с.
15. Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянские восстания в России в 1918—1922 гг. От махновщины до антоновщины. М. : Вече, 2012. 400 с. (Военные тайны XX века).
16. Ананьев В. И. Оренбургский военно-революционный комитет. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 1959. 52 с.
17. Аншакова Ю. Ю. Формы и методы подавления крестьянских восстаний на территории Среднего Поволжья (1919—1920 гг.) // Самарский земский сборник : сб. науч. статей. Самара : Самарский университет, 1996. Вып. 4. С. 19.
18. Аншакова Ю. Ю. Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918—1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара : СГУ, 1998. 19 с.
19. Аншакова Ю. Ю. Армия «Правды» начдива Сапожкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8, № 3. С. 769—780.
20. «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2015. 856 с.
21. Безгин В. Б. Лозунги повстанчества как отражение крестьянского менталитета // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 6 (80) : в 2 ч. Ч. 2. С. 10—13.
22. Бородин Д. Ю. Западносибирское восстание 1921 г. в англоязычной русистике постсоветского периода // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 203—207.
23. Ботнер В. Д. Казачьи районы Южного Урала в 1920—1928 гг. // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край : материалы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 121—122.
24. Бочагов А. К. Орск : исторический очерк. Чкалов : Кн. изд-во, 1954. 99 с.
25. Вебер М. И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918—1919) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. 309 с.
26. Вепрев О. В., Лютов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. 448 с.
27. Виноградов С. В. Мелкотоварное крестьянское хозяйство Поволжья в 20-е годы. М. : ИРИ РАН, Ин-т молодежи, 1998. 176 с.
28. Вожаки и лидеры Смуты. 1918—1922 гг. Биографические материалы / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2017. 584 с.
29. Гарипов М. Крестьянские восстания в Башкортостане в 1918—1921 гг. // Ватандаш. Уфа, 1999. № 3. С. 162—165.
30. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР : в 2 кн. М. : Политиздат, 1986. Кн. 1. 333 с. ; Кн. 2. 397 с.
31. Головина В. Оборона Адамовки. Некоторые подробности о походе «Народной армии» Охранюка-Черского по Оренбуржью // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2005. № 17. С. 218—223.

32. Гончаров Н. И. Октябрьский район: история, документы, люди. Оренбург : Южный Урал, 2002. 200 с.
33. Гривенная Л. А. Участие казахского населения в крестьянском повстанческом движении в 20-е гг. XX века в Северном Казахстане // Валихановские чтения-9 : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Кокшетау, 2004. Т. 1. С. 236—240.
34. Гривенная Л. А. К вопросу о новой концепции истории крестьянского повстанческого движения в Западной Сибири и Северном Казахстане в начале 1920-х годов // Актуальность научного и исторического наследия академика М. Козыбаева : материалы Республ. науч.-практ. конф. Петропавловск, 2004. С. 14—18.
35. Гривенная Л. А. «За Советы без коммунистов!» (о крестьянском повстанческом движении 1921 года на территории Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана) // Вестник КазНУ. Сер. историческая. 2005. № 4. С. 50—55.
36. Гривенная Л. А. Мятежный 1921 год [Электронный ресурс]. URL: <http://repository.nkzu.kz/287/1/ГРИВЕННАЯ%20МЯТЕЖНЫЙ%201921%20ГОД.pdf> (дата обращения 6.08.2018).
37. Гривенная Л. А. Крестьянское повстанчество в начале 20-х годов XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2007. 34 с.
38. Григорьев В. К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920—1922 гг.). Алма-Ата : Казахстан, 1984. 176 с.
39. Гришаков В. Г. Отечественная историография крестьянского движения в Поволжье в годы гражданской войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
40. Гришаков В. Г. Крестьянское движение в Поволжье в годы гражданской войны (1918—1922) (Краткий историографический обзор и анализ отечественных публикаций) // Вектор науки ТГУ. 2011. № 3 (17). С. 133—137.
41. Грушин И. История Жилиевского восстания: (Страничка из истории революционной борьбы). Оренбург : Киргосиздат, 1922. 19 с.
42. Давлетшин Р. А. История крестьянства Башкортостана. 1917—1940 годы. Уфа : Гилем, 2001. 275 с.
43. Двойных А. В. К вопросу о политической программе крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны // Вестник СамГУ. 2009. № 7 (73). С. 69—72.
44. Двойных А. В. Лозунги и программа крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2010. 221 с.
45. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М. : Госполитиздат, 1960. 650 с.
46. Дубровкина В. И. От Михайловки до Шарлыка... Оренбург : Печатный дом «Димур», 1997. 164 с.
47. Дударь Е. И. Борьба за осуществление ленинского декрета о земле в Оренбургской губернии (февраль — июнь 1918 г.) // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск : ЧГПИ, 1966.
48. Дударь Е. И. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Оренбуржье (март 1917 — июнь 1918 г.) // Ученые записки Оренбургского государственного педагогического института. Оренбург : ОГПИ, 1967. Вып. 24.
49. Ерхов Г. П. Коммунисты Оренбуржья в борьбе за укрепление союза рабочих и крестьян (1921—1925 гг.). Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. 64 с.
50. Зарипов А. Б. Юго-восточный Башкортостан 1917—1922 гг. Уфа : БГУ, 2001. 213 с.
51. Игишева Е. А., Камынин В. Д. Правоохранительные органы Урала на завершающем этапе Гражданской войны (историография проблемы) // Гражданская война как феномен мировой истории : материалы науч. конф. 26 апр. 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 39—59.
52. Ильин Ю. А. Антикommунистическое движение среди красноармейцев-крестьян в 1920 г. — начале 1921 г. [Электронный ресурс] // На пути к гражданскому обществу. 2011. № 1-2. URL: <http://government.esrae.ru/pdf/2011/1-2/159.doc> (дата обращения 16.06.2018).
53. История башкирского народа : в 7 т. Т. 5 / гл. ред. М. М. Кульшарипов ; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа : Гилем, 2009. 468 с.
54. История Башкортостана (1917—1990-е годы). Уфа : БГУ, 1997. 276 с.
55. История Башкортостана. 1917—1990-е годы : в 2 т. / ред. Р. Н. Сулейманова. Т. 1: 1917—1945. Уфа : Гилем, 2004. 400 с.
56. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918—1998). М. : Наука, 2000. 232 с.
57. История управления внутренних дел Оренбургской области / под ред. Д. А. Сафонова. Оренбург : Оренбургская губерния, 2002. 345 с.
58. Ишбулатов Ф. А. «Долой яичников и масленников!» Антисоветский мятеж в Бузулуке, 1920 год // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2000. № 9. С. 177—191.

59. Ишбулатов Ф. А. «Долой коммуны, да здравствует Советская власть!»: Саринское вооруженное восстание, 1920 год // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2001. № 10. С. 201—208.
60. Ишбулатов Ф. А. «Вы поели наших кур и яиц...». Вооруженное восстание в поселке Чукари-Ивановка, 1920 год // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2001. № 11. С. 147—150.
61. Ишбулатов Ф. А. История повстанческой «Народной армии» Охранюка-Черского // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2001. № 12. С. 183—198.
62. Ишбулатов Ф. А. Краткая история ликвидации повстанческого отряда В. А. Серова: по документам Центра документации новейшей истории Оренбургской области // Источниковая база по истории революции 1917 г. и Гражданской войны в Оренбуржье: состояние, проблемы, перспективы (к 95-летию Октябрьской революции и 90-летию окончания Гражданской войны в России) : сб. материалов заседания Научного совета ГБУ «ЦДНННО». Оренбург, 21 ноября 2012 г. / под ред. Т. С. Паниной. Оренбург : Агентство «Пресса», 2013. С. 88—93.
63. Калачев В. П., Ишбулатов Ф. А., Вострикова Р. М. Чаша терпения переполнилась...: Крестьянское восстание в Восточном Оренбуржье в 1920—21 годах. СПб. : Реноме, 2013. 132 с.
64. Камалова Г. Т. Правоохранительные органы в механизме Советского государства (на примере Урала, 1921—1929 гг.). Челябинск : Цицеро, 2007. 227 с.
65. Камалова Г. Т. Кадры правоохранительных органов Урала в годы новой экономической политики. Челябинск : Цицеро, 2008. 295 с.
66. Кобзов В. С., Сичинский Е. П. Государственное строительство на Урале в 1917—1921 гг. : учеб. пособие. Челябинск : Челяб. юрид. ин-т МВД России, 1997. 185 с.
67. Кобзов В. С., Семенов А. И. Правоохранительные органы Урала в годы гражданской войны. Челябинск : Челяб. юрид. ин-т МВД России, 2002. 201 с.
68. Кобзов В. С., Шведов И. В. Урал в период потрясений 1917—1921 годов. Челябинск : Мякотин И. В., 2017. 453 с.
69. Кожина Т. А. В гражданской войне всякая победа есть поражение... (к вопросу о Гражданской войне в Адамовском районе) // Источниковая база по истории революции 1917 г. и Гражданской войны в Оренбуржье: состояние, проблемы, перспективы (к 95-летию Октябрьской революции и 90-летию окончания Гражданской войны в России) : сб. материалов заседания Научного совета ГБУ «ЦДНННО». Оренбург : Агентство «Пресса», 2013. С. 94—98.
70. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1919—1921 гг. // Крестьяне и власть : материалы конференции. М. : Моск. высш. школа соц. и экон. наук. ; Тамбов : Тамбов. гос. тех. ун-т, 1996. С. 132—152.
71. Кондрашин В. В. Проблемы крестьянского движения в Советской России в 1918—1921 гг. // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX в.) : сб. науч. ст. Тамбов : ТГУ им. Г. Державина, 1998. Вып. 2. С. 126—136.
72. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. М. : Янус-К, 2001. 543 с.
73. Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 575 с. (История сталинизма).
74. Кондрашин В. В. Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны // Крестьянский фронт 1918—1922 гг. : сб. статей и материалов. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 80—98.
75. Кондрашин В. В. Отечественная и зарубежная историография крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны // Крестьянский фронт 1918—1922 гг. : сб. статей и материалов. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 24—47.
76. Крестьянский фронт. 1918—1922 гг. : сб. статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2013. 740 с.
77. Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М. : РОССПЭН, 2002. 944 с.
78. Кульшарипов М. М. Башкирское национальное движение (1917—1921 гг.). Уфа : Китап, 2000. 368 с.
79. Куренкова Ю. О. Постсоветская историография о социальной активности крестьян // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII—XX веках: проблемы источников и историографии : сб. статей. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2007. С. 177—182.
80. Куренышев А. А. Миф и загадки «антоновщины». Что собой представляло и кому угрожало крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920—1921 гг. // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 6 (80) : в 2 ч. Ч. 2. С. 47—50.

81. Курышев И. В. Из истории антиколчаковского партизанского движения в Северном Казахстане (жилаяевщины) // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 9—13.

82. Курышев И. В. Партизанщина («Жилаевщина») в Северном Казахстане в 1919 году // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2015. С. 804—815.

83. Лабузов В. А. Деревня Южного Урала в период новой экономической политики (1921—1927 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск : ЧГПИ, 1995. 212 с.

84. Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Оренбургская деревня на завершающем этапе Гражданской войны (1920—1922 гг.). Оренбург : ОГПУ, 2002. 136 с.

85. Лагунов К. Я. Двадцать первый: Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1991. 144 с.

86. Литвин А. Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы Гражданской войны. Материалы : учеб. пособие к спецкурсу. Казань : [Б. и.], 1972. 304 с.

87. Лукьянов А. В. Действия органов государственной власти и Красной Армии по ликвидации крестьянского восстания и бандитизма в Саратовской губернии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук : сб. материалов Восьмой междунар. заоч. науч.-практ. конф. : в 4 ч. Вольск : ВВИМО : Перо, 2014. Ч. 1. С. 28—32.

88. Магомедов Р. Р. Продовольственная политика Советского государства в первые годы Советской власти (октябрь 1917 г. — март 1921 г.) : (На материалах партийных организаций и продовольственных органов Южного Урала) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 194 с.

89. Марков В. Красные-белые, белые-красные... // Люди родной земли. Бузулук, 2008. С. 20—32.

90. Медеубаев Е. И. 1-я атаманская, 1-я народная и другие: антисоветские выступления в Западном Казахстане и Южном Урале в 1920—1922 гг. // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2005. № 4. С. 82—88.

91. Медеубаев Е. И. «Да здравствует свободная торговля и свободный труд! Долой коммунистов, да здравствует чистая советская власть!»: из истории вооруженных антисоветских выступлений в Западной Сибири в 1921 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25—26 окт. 2017 г.). Омск : ОмГТУ, 2017. С. 237—242.

92. Михайлюк А. В. «Политическая программа» крестьянства в период революции и гражданской войны (1917—1922) // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сб. статей / отв. ред. и сост. А. И. Шевельков. Коломна : Гос. социально-гуманитарный ун-т, 2018. С. 119—124.

93. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 633 с.

94. Нарский И. В. «Крестьянскую голову все галки клюют»: как представлялись уральскому крестьянству альтернативные сценарии русской революции? // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. Исторические науки. 2014. Т. 14, № 1. С. 43—48.

95. Насыров Р. Г. Нереализованные права башкир в революциях 1917 г. и Чукари-Ивановское восстание 1920—1921 гг. Сибай : Сибайская типография, 2003. 192 с.

96. Неизвестная война (к 90-летию крестьянского восстания в Тюменской губернии) : библиографический указатель / Тюм. обл. науч. б-ка, краевед. отд. ; сост.: Н. В. Колобова. Тюмень, 2011. 23 с.

97. О людях чести и долга. Оренбург : Димур, 2008. 152 с.

98. Оренбург. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1993. 270 с.

99. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 346.

100. Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. Кн. 1.

101. От «германской» к гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты : сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М. : АИРО-XXI, 2014. 624 с.

102. Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. 594 с.

103. Павлюченков С. А. Крестьянский брест, или Предыстория большевистского нэпа. М. : Русское книгоизд. тов-во, 1996. 299 с.

104. Паныкин С. И. Особенности повстанческого движения на Южном Урале в 1919—1922 годах // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2002. № 2 (14). С. 179—180.

105. Паныкин С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920—1921 гг. // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С. 116—117.

106. Панькин С. И. Политическая платформа повстанческого движения на Южном Урале 1920—1922 гг. // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 118—122.
107. Панькин С. И. Характеристика повстанческих вооруженных формирований на Южном Урале в 1920—1922 гг. // Междисциплинарный диалог: современные тенденции в общественных, гуманитарных, естественных и технических науках : сб. тр. III Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей, ученых, специалистов и аспирантов / науч. ред. А. В. Молодчик. Челябинск : Юж.-Урал. ин-т управления и экономики, 2014. С. 66—80.
108. Панькин С. И. Опыт мирного разрешения вооруженных конфликтов власти и оппозиции на Южном Урале в 1920—1922 годах // Вопросы управления. 2014. № 1 (26). С. 53—56.
109. Панькин С. И. Особенности тактики повстанческих соединений на Южном Урале в 1920—1922 гг. // Управление в современных системах. 2015. № 3 (7). С. 47—58.
110. Панькин С. И. Модели возникновения выступлений и организация повстанческих структур управления на Южном Урале в 1920—1922 гг. // Управление в современных системах. 2016. № 1 (8). С. 35—45.
111. Питеримов В. Ф. Части особого назначения на казачьей территории Южного Урала // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край : материалы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 131—133.
112. Посадский А. В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918—1922 гг. М. : Центрполиграф, 2018. 187 с.
113. Провоторов А. Ф. Записки контрразведчика : в 2 т. Т. 1. Оренбург : ИПК «Южный Урал», 2007. 336 с.
114. Русакова Е. В., Попова О. Г. К вопросу о типологии антибольшевистского повстанчества в годы Гражданской войны в России // Гражданская война как феномен мировой истории : материалы науч. конф. 26 апр. 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 141—159.
115. Савченко В. А. Атаманщина: мифы, легенды, действительность. Харьков : Фолио, 2011. 379 с. (Время и судьбы).
116. Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920—1921 гг. и Южный Урал. Оренбург : Оренбургская губерния, 1999. 316 с.
117. Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855—1922. Хроника и историография. Оренбург : Оренбургская губерния, 1999. 315 с.
118. Сафонов Д. А. Очерки историографии оренбургской истории. Оренбург : Оренбургская губерния, 2005. 362 с.
119. Сафонов Д. А. Между империей и республикой Советов: местная власть на Южном Урале в 1917—1918 гг. Оренбург : Димур, 2008. 448 с.
120. Сафонов Д. А. Факел над бездной: революция 1917 года и гражданская война на юго-востоке Европейской России. Оренбург : ОГУ, 2017. 407 с.
121. Сафонов Д. А. Крестьянские восстания 1920—1921 гг. на Южном Урале: проблемы источниковой базы // Археология Южного Урала: Исторические источники и современные методы : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Уфа, 20—21 сент. 2001 г. Уфа : Тау, 2001. С. 143—147.
122. Сафонов Д. А. Коммунистические идеалы «антикоммунистических мятежей» (повстанчество начала 1920-х гг. на Южном Урале) // Личность и массы в историческом процессе : материалы межрегион. науч. конф. 23—24 сент. 2003 г. Уфа : Баш. гос. пед. ун-т, 2004. С. 18—23.
123. Сафонов Д. А. Крестьянские войны в России: феномен или общ историческое явление // Матвей Кузьмич Любавский: историк и человек. К 145-летию со дня рождения : материалы регион. науч.-практ. конф. 15 дек. 2005 г. Уфа : БГПУ, 2008. С. 135—142.
124. Сафонов Д. А. Феномен крестьянского протеста под коммунистическими лозунгами в крестьянской войне 1920—1921 гг. // Труды Института крестьяноведения Южного Урала. Оренбург, 2010. Вып. 3. С. 264—276.
125. Сафонов Д. А. Феномен крестьянского протеста против коммунистической власти под коммунистическими лозунгами на завершающем этапе гражданской войны // Новітні тенденції вивчення актуальних проблем революційної доби (1917—1921 рр.) : зб. наук. праць. Київ ; Черкаси, 2012. С. 238—247.
126. Сафонов Д. А. Документ по истории выступления «Армии Правды» А. Сапожкова (1920 г.) // Крестьянский фронт 1918—1922 гг. : сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 564—578.
127. Сафонов Д. А. Под покровом социального протеста: насилие и беззаконие «внутри» классовой борьбы в России второй половины XIX — начала XX века [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (20). С. 185—194. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/18_20_2016.pdf.
128. Сафонов Д. А. Повстанчество в 1920—1921 гг. как историческое явление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 6 (80): в 2 ч. Ч. 2. С. 97—101.

129. Сафонов Д. А. Народные вожаки в гражданской войне: между двумя большевиками // Новое прошлое = The New Past / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону. 2017. № 2. С. 187—191.
130. Сафонов Д. А., Безгин В. Б. Вовлеченные в противостояние: рядовые участники антисоветских выступлений периода Гражданской войны [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 3 (23). С. 197—206. URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/20_23_2017.pdf.
131. Сафонов Д. А. От «классовой борьбы» к крестьянским представлениям: развитие темы крестьянского социального протеста в постсоветскую эпоху // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X—XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тез. докл. и сообщений. Брянск, 24—28 сент. 2018 г. М. : ИСл РАН, 2018. С. 150—153.
132. Семенов А. И. Правоохранительные органы на Южном Урале в годы революций и гражданской войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000. 24 с.
133. Сибирская Вандея. 1919—1920. Документы : в 2 т. / сост. В. И. Шишкин ; отв. ред. А. Н. Яковлев. М. : Междунар. фонд «Демократия», 2000. Т. 1. 644 с.; Т. 2. 776 с.
134. Скоринов А. И. Из истории повстанческого и дезертирского движений на территории Челябинской губернии в конце 1919 — начале 1921 г. // Исторические чтения : материалы науч. регион. конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Крушение царизма и гражданская война на Урале» (1997). Челябинск : Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1998. С. 59—62.
135. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939. Документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 1. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 864 с.
136. Суворов Д. Все против всех: неизвестная гражданская война на Южном Урале. // Урал. 1998. № 5—7. URL: militera.lib.ru/h/suvorov_d/index.html (дата обращения 6.08.2018).
137. Таубин Р. Разгром кулацкого мятежа Сапожкова // Борьба классов. 1934. № 12. С. 56—62.
138. Телицын В. Л. К истории антисоветских выступлений крестьянства Урала в первые послереволюционные годы (предварительные замечания) // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны : тез. докл. Всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию Зап.-Сиб. крестьянского восстания 1921 г. Тюмень, 1996. С. 61—63.
139. Телицын В. Л. Антибольшевистские выступления уральского крестьянства в первые послереволюционные годы // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 114—117.
140. Телицын В. Л. К истории антибольшевистских выступлений на Урале в первые послереволюционные годы: некоторые события и факты // Тоталитаризм в России (СССР) 1917—1991 гг.: оппозиция и репрессии : материалы науч.-практ. конф. Пермь, 1998. С. 6—8.
141. Телицын В. Л. Антибольшевизм уральских крестьян и его проявление в 1917—1921 гг. // Белая Гвардия. Альманах. Антибольшевицкое повстанческое движение. М. : Посев, 2002. № 6. С. 53—58.
142. Телицын В. Л. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917—1921 годов. М. : Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2003. 340 с.
143. Третьяков Н. Г. О политических настроениях крестьянства на территории, охваченной Западно-Сибирским восстанием 1921 года // История Советской России: новые идеи, суждения : тез. докл. второй республиканской науч. конф. Тюмень, 1993. Ч. 1. С. 55—58.
144. Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923 гг.). Ч. 1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л. : ЛГУ, 1964. 311 с.
145. Троцкий В. В., Демидов А. Д. 1920 год в Средневожском крае. М. ; Самара : Госиздат, 1934. 234 с.
146. Тумшис М., Алексеев П., Карпов И. Полиция и милиция Самарской губернии (имена, события, факты). Самара, 2003. 152 с.
147. Ужгин С. С., Фролов Н. Партизанское движение против Колчака. Алма-Ата : Казгосиздат, 1957. 144 с.
148. Урал в панораме XX века. Екатеринбург : СВ-96, 2000. 496 с.
149. Филин М. В. Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918—1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 22 с.
150. Филин М. В. «Сапожковщина» и ее развитие: повстанчество Василия Серова (1920—1922 гг.) // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2007. № 78. С. 57—68.
151. Футорянский Л. И., Лабузов В. А. Крестьянское хозяйство Оренбуржья в годы новой экономической политики. Оренбург : ОГПИ, 1994. 32 с.
152. Футорянский Л. И., Лабузов В. А. Из истории Оренбургского края в период восстановления (1921—1927 гг.). Оренбург : [Б. и.], 1998. 114 с.
153. Шагланов А. Н. Повстанческий бандитизм на территории Сибири в 1920—1921 гг. // Омский научный вестник. 2014. № 2 (126). С. 50—53.

154. Шадский О. Г. Зарубежная историография российского крестьянства и крестьянских движений 1918—1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 6 (80) : в 2 ч. Ч. 2. С. 108—112.
155. Шведов И. В. Политическое и военное противостояние на Урале в 1917—1921 гг.: региональная специфика : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2016. 25 с.
156. Шведов И. В., Кобзов В. С. Революционные комитеты Урала в годы гражданской войны (историко-правовой аспект) // Проблемы права. 2013. № 5 (43). С. 199—205.
157. Щеткин С. В. Милиция на Южном Урале в 1921—1928 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 23 с.
158. Шибанов Н. С. «Зеленая война»: Исторические очерки [о партизанском движении крестьян и казаков на Южном Урале в 1920 г.]. Челябинск : Межрайон. типография, 1997. 240 с.
159. Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина ; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. С. 137—175.
160. Шулдяков В. А. Атаманщина как феномен гражданской войны на востоке России // Вестник НГУ. Сер. история, филология. 2006. Т. 5, вып. 1. С. 37—41.
161. Яблочкина И. В. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России, 1921—1925 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 506 с.
162. Яблочкина И. В. Рецидивы гражданской войны: антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921—1925 гг. М. : Хельга, 2000. 495 с.
163. Яценко В. Г. Хроника утаенного бунта: Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918—1923). 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. 264 с.

Поступила в редакцию 05.09.2018

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный университет
Российская Федерация, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
E-mail: d_safonov@mail.ru

UDC 930:94(470.55/.58)“1917/1922”

D. A. Safonov

Peasant movement during the Civil War in the Southern Urals: the state and problems of modern historiography

The article analyzes the state of development of the peasant movement in the South Ural region in the post-Soviet and modern periods. The review of available publications is made; their positive and negative aspects are noted. The author attributes the positive results of the study to the collection of sources on the ideological side of the insurgency process and the process of studying them, the restoration of the main canvas of the events of specific insurgent actions in the region. The author attributes the shortcomings to the decline in researchers' interest in the archival search, the preservation of factual errors in publications, the excessive fascination with generalizations and analysis of available data, the predominance of the thesis of the unity of peasant protest throughout the country. For the urgent tasks the author considers the necessity of continuing the archival search, as well as in-depth study of concrete speeches in their dynamics and with the obligatory consideration of regional features and subjective factors.

Key words: historiography, the Southern Urals, insurgency, peasant movement, slogans and action program.

Safonov Dmitry Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State University
Russian Federation, 460018, Orenburg, pr-t Pobedy, 13
E-mail: d_safonov@mail.ru

References

1. Abramovskii A. P., Kobzov V. S. *Orenburgskoe kazach'e voisko v trekh vekakh* [Orenburg Cossack army in three centuries]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. un-t Publ., 1999. 450 p. (In Russian)
2. Abramovskii A. P., Pan'kin S. I. "Golubaya armiya": sozdanie, bor'ba, razгром ["Blue Army": creation, struggle, defeat]. *Istoricheskie chteniya. Materialy nauch. region. konf. Tsentra istoriko-kul'turnogo naslediya g. Chelyabinska "Krushenie tsarizma i grazhdanskaya voina na Urale" (1997)* [Historical readings. Proceed. of sci. region. conf. of Center for Historical and Cultural Heritage of Chelyabinsk "The collapse of Tsarism and the Civil War in Ural" (1997)]. Chelyabinsk, Tsentr istoriko-kul'turnogo naslediya g. Chelyabinska Publ., 1998, pp. 68—70. (In Russian)
3. Abramovskii A. P., Pan'kin S. I. Povstancheskaya narodnaya armiya sotnika Egora Makarova [The rebel people's army centurion Yegor Makarov]. *Istoriya Otechestva na rubezhe vekov. Opyt, problemy, puti, resheniya: materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf.* [History of the Fatherland at the turn of the century. Experience, problems, ways, solutions. Proceed. of interregional sci.-pract. conf.]. Orenburg, OGPU Publ., 2001, part. 2, pp. 54—59. (In Russian)
4. Aksenov A. V. *Sol' Iletskaia: istoriko-ekonomicheskii ocherk (1754—1965 gg.)* [Salt Iletskaia: historical and economic essay (1754—1965)]. Orenburg, OGPI Publ., 1969. 172 p. (In Russian)
5. Aleshkin P. F. *Krest'yanskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii v 1920—1921 godakh: istoki, osnovnye etapy, formy sotsial'no-politicheskogo protsesssa: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The peasant movement in the Tambov province in 1920—1921: origins, main stages, forms of the socio-political process. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 2004. 24 p. (In Russian)
6. Aleshkin P. F. *Fenomen krest'yanskogo povstanchestva v Povolzh'e: "chapanka", "vilochnoe vosstanie", serovshchina* [The phenomenon of peasant uprising in the Volga region: "chapanka", "vilochnoe uprising", "serovshchina"]. Moscow, Golos-Press Publ., 2006. 40 p. (In Russian)
7. Aleshkin P. F. Tipologicheskaya obshchnost' i osobennosti krest'yanskogo povstanchestva: Zapadno-Sibirskoe vosstanie 1921 g. [Typological community and features of the peasant uprising: the West-Siberian uprising in 1921]. *Vestnik TGU — Tomsk State University Journal*, 2007, is. 12 (56), pp. 281—291. (In Russian)
8. Aleshkin P. F. Serovshchina: Neizvestnyi fenomen Grazhdanskoi voiny [Serovshchina: The Unknown Phenomenon of the Civil War]. *Svoi*, 2010, no. 8—9, pp. 58—63. (In Russian)
9. Aleshkin P. F. "Chapannaya" voina: fenomen krest'yanskogo povstanchestva v Povolzh'e ["Chapan" war: the phenomenon of peasant insurgency in the Volga region]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2011, no. 7 (13), part 2, pp. 12—15. (In Russian)
10. Aleshkin P. F. Krest'yanskii protest v Povolzh'e: "vilochnoe vosstanie" [Peasant revolt within Volga region: "pitchfork uprising"]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2011, no. 7 (13), part 3, pp. 17—20. (In Russian)
11. Aleshkin P. F. Protestnoe dvizhenie sibirskogo krest'yanstva v 1920 g. [Protest movement of the Siberian peasantry in 1920]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2011, no. 8, pp. 14—17. (In Russian)
12. Aleshkin P. F. Tipologicheskaya obshchnost' krest'yanskogo protestnogo dvizheniya v Rossii v 1918—1922 gg. [Typological community of the peasant protest movement in Russia during 1918—1922]. *Vlast'—Power*, 2011, no. 11, pp. 150—152. (In Russian)
13. Aleshkin P. F. *Krest'yanskoe protestnoe dvizhenie v Rossii v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstviy (1918—1922 gg.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Peasant protest movement in Russia in the conditions of the policy of military communism and its aftermath (1918—1922 gg.). Abstr. Dr. Dis.]. Moscow, 2012. 47 p. (In Russian)
14. Aleshkin P. F., Vasil'ev Yu. A. *Krest'yanskaya voina v Rossii v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstviya (1918—1922 gg.)* [The peasant war in Russia in the context of the policy of war communism and its consequences (1918—1922)]. Moscow, Golos-Press Publ., 2010. 575 p. (In Russian)
15. Aleshkin P. F., Vasil'ev Yu. A. *Krest'yanskie vosstaniya v Rossii v 1918—1922 gg. Ot makhnovshchiny do antonovshchiny* [Peasant uprisings in Russia in 1918—1922. From Makhnovshchina to Antonovshchina]. Moscow, Veche Publ., 2012. 400 p. (Voennye tainy XX veka). (In Russian)
16. Anan'ev V. I. *Orenburgskii voenno-revolutsionnyi komitet* [Orenburg Military Revolutionary Committee]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 1959. 52 p. (In Russian)
17. Anshakova Yu. Yu. Formy i metody podavleniya krest'yanskikh vosstaniy na territorii Srednego Povolzh'ya (1919—1920 gg.) [Forms and methods of suppressing peasant uprisings on the territory of the Middle Volga region (1919—1920)]. *Samarskii zemskii sbornik: sb. nauch. statei* [Samara Zemsky collection. Collect. of sci. articles]. Samara, Samarskii universitet Publ., 1996, is. 4, pp. 19. (In Russian)

18. Anshakova Yu. Yu. *Krest'yanskie vosstaniya v Srednem Povolzh'e v 1918—1920 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Peasant uprisings in the Middle Volga region in 1918—1920. Abstr. Cand. Dis.]. Samara, SGU Publ., 1998. 19 p. (In Russian)
19. Anshakova Yu. Yu. *Armiya "Pravdy" nachdiva Sapozhkov* [Commander Sapozhkov's "Army of truth"]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk — Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2006, vol. 8, no. 3, pp. 769—780. (In Russian)
20. *"Atamanshchina" i "partizanshchina" v Grazhdanskoi voine: ideologiya, voennoe uchastie, kadry: sb. statei i materialov* ["Atamanshchina" and "partizanshchina" in the Civil War: ideology, military participation, personnel. Collect. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2015. 856 p. (In Russian)
21. Bezgin V. B. *Lozungi povstanchestva kak otrazhenie krest'yanskogo mentaliteta* [Insurgency slogans as a reflection of the peasant mentality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2017, no. 6 (80): in 2 parts, part 2, pp. 10—13. (In Russian)
22. Borodin D. Yu. *Zapadnosibirskoe vosstanie 1921 g. v angloyazychnoi rusistike postsovetskogo perioda* [West Siberian Uprising of 1921 in English-speaking Russian Studies of the Post-Soviet Period]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya — Tomsk State University Journal of History*, 2012, no. 4 (20), pp. 203—207. (In Russian)
23. Botner V. D. *Kazach'i raiony Yuzhnogo Urala v 1920—1928 gg.* [Cossack areas of the Southern Urals in 1920—1928]. *Ivan Ivanovich Neplyuev i Yuzhno-Ural'skii kraj: materialy nauch. konf.* [Ivan Ivanovich Neplyuev and the Southern Ural region. Proceed. of sci. conf.]. Chelyabinsk, 1993, pp. 121—122. (In Russian)
24. Bochagov A. K. *Orsk: istoricheskii ocherk* [Orsk: a historical sketch]. Chkalov, Kn. izd-vo Publ., 1954. 99 p. (In Russian)
25. Veber M. I. *Antibol'shevistskoe povstanchestvo na Urale v gody Grazhdanskoi voiny (1918—1919): dis. ... kand. ist. nauk* [Anti-Bolshevik insurgency in Ural during the Civil War (1918—1919). Cand. Dis.]. Yekaterinburg, 2014. 309 p. (In Russian)
26. Veprev O. V., Lyutov V. V. *Gosudarstvennaya bezopasnost': tri veka na Yuzhnom Urale* [State Security: Three Centuries in the Southern Urals]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2002. 448 p. (In Russian)
27. Vinogradov S. V. *Melkotovarnoe krest'yanskoe khozyaistvo Povolzh'ya v 20-e gody* [Small-scale peasant economy of the Volga region in the 20s]. Moscow, IRI RAN, In-t molodezhi Publ., 1998. 176 p. (In Russian)
28. *Vozhaki i lidery Smuty. 1918—1922 gg. Biograficheskie materialy* [Chiefs and leaders of the revolt. 1918—1922. Biographical materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017. 584 p. (In Russian)
29. Garipov M. *Krest'yanskie vosstaniya v Bashkortostane v 1918—1921 gg.* [Peasant uprisings in Bashkortostan in 1918—1921]. *Vatandash*. Ufa, 1999, no. 3, pp. 162—165. (In Russian)
30. Golinkov D. L. *Krushenie antisovetskogo podpol'ya v SSSR: v 2 kn.* [The collapse of the anti-Soviet underground in the USSR: in 2 books]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. Book 1, 333 p. ; Book 2, 397 p. (In Russian)
31. Golovina V. *Oborona Adamovki. Nekotorye podrobnosti o pokhode "Narodnoi armii" Okhranyuka-Cherskogo po Orenburzh'yu* [Adamovka defense. Some details about the campaign of the "People's Army" of Okhranyuk-Chersky across the Orenburg region]. *Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh* [Gostiny Dvor. Literary, artistic and socio-political almanac]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 2005, no. 17, pp. 218—223. (In Russian)
32. Goncharov N. I. *Oktyabr'skii raion: istoriya, dokumenty, lyudi* [October district: history, documents, people]. Orenburg, Yuzhnyi Ural Publ., 2002. 200 p. (In Russian)
33. Grivennaya L. A. *Uchastie kazakhskogo naseleniya v krest'yanskom povstancheskom dvizhenii v 20-e gg. XX veka v Severnom Kazakhstane* [The participation of the Kazakh population in the peasant rebel movement in the 20s XX century in Northern Kazakhstan]. *Valikhanovskie chteniya-9: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The 9th Valikhanov readings. Proceed. of the internat. sci.-pract. conf.]. Kokshetau, 2004, vol. 1, pp. 236—240. (In Russian)
34. Grivennaya L. A. *K voprosu o novoi kontseptsii istorii krest'yanskogo povstancheskogo dvizheniya v Zapadnoi Sibiri i Severnom Kazakhstane v nachale 1920-kh godov* [On the issue of the new concept of the history of the peasant rebel movement in Western Siberia and Northern Kazakhstan in the early 1920s]. *Aktual'nost' nauchnogo i istoricheskogo naslediya akademika M. Kozybaeva: materialy Respubl. nauch.-prakt. konf.* [Actuality of the scientific and historical heritage of Academician M. Kozybayev. Proceed. of Resp. sci.-pract. conf.]. Petropavlovsk, 2004, pp. 14—18. (In Russian)
35. Grivennaya L. A. *"Za Sovety bez kommunistov!" (o krest'yanskom povstancheskom dvizhenii 1921 goda na territorii Zapadnoi Sibiri i Severo-Vostochnogo Kazakhstana)* ["For the Soviet without Communists!" (About the peasant insurgent movement of 1921 in the territory of Western Siberia and North-Eastern Kazakhstan)]. *Vestnik KazNU. Ser. istoricheskaya*, 2005, no. 4, pp. 50—55. (In Russian)

36. Grivennaya L. A. *Myatezhnyi 1921 god* [Rebellious 1921]. Available at: <http://repository.nkzu.kz/2871/ГРИВЕННАЯ%20МЯТЕЖНЫЙ%201921%20ГОД.pdf>. Accessed 6.08.2018. (In Russian)
37. Grivennaya L. A. *Krest'yanskoe povstanchestvo v nachale 20-kh godov XX veka: avtoref. ... dis. kand. ist. nauk* [Peasant insurrection in the early 20s of the XX century. Abstr. Cand. Dis.]. Almaty, 2007. 34 p. (In Russian)
38. Grigor'ev V. K. *Razгром melkoburzhuznoi kontrrevolyutsii v Kazakhstane (1920—1922 gg.)* [The rout of the petty-bourgeois counter-revolution in Kazakhstan (1920—1922)]. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 1984. 176 p. (In Russian)
39. Grishakov V. G. *Otechestvennaya istoriografiya krest'yanskogo dvizheniya v Povolzh'e v gody grazhdanskoi voiny: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Domestic historiography of the peasant movement in the Volga region during the Civil War. Abstr. Cand. Dis.]. Voronezh, 2011. 24 p. (In Russian)
40. Grishakov V. G. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v gody grazhdanskoi voiny (1918—1922) (Kratkii istoriograficheskii obzor i analiz otechestvennykh publikatsii)* [The peasant movement in the Volga region during the Civil War (1918—1922) (Brief historiographic review and analysis of domestic publications)]. *Vektor nauki TGU*, 2011, no. 3 (17), pp. 133—137. (In Russian)
41. Grushin I. *Istoriya Zhilyaevskogo vosstaniya: (Stranichka iz istorii revolyutsionnoi bor'by)* [History of Zhilyaev Uprising: (A page from the history of the revolutionary struggle)]. Orenburg, Kirgosizdat Publ., 1922. 19 p. (In Russian)
42. Davletshin R. A. *Istoriya krest'yanstva Bashkortostana. 1917—1940 gody* [The history of the peasantry of Bashkortostan. 1917—1940]. Ufa, Gilem Publ., 2001. 275 p. (In Russian)
43. Dvoynikh A. V. K voprosu o politicheskoi programme krest'yanskogo povstancheskogo dvizheniya v Rossii v gody Grazhdanskoi voiny [To the question of the political program of the peasant rebel movement in Russia in the years of the Civil War]. *Vestnik SamGU*, 2009, no. 7 (73), pp. 69—72. (In Russian)
44. Dvoynikh A. V. *Lozungi i programma krest'yanskogo povstanchestva v Rossii v gody Grazhdanskoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk* [Slogans and the program of the peasant insurgency in Russia during the Civil War. Cand. Dis.]. Penza, 2010. 221 p. (In Russian)
45. *Devyatyi s'ezd RKP(b). Protokoly* [Ninth Congress of the RCP(b). Protocols]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960. 650 p. (In Russian)
46. Dubrovkina V. I. *Ot Mikhailovki do Sharlyka...* [From Mikhailovka to Charlyk...]. Orenburg, Dimur Publ., 1997. 164 p. (In Russian)
47. Dudar' E. I. *Bor'ba za osushchestvlenie leninskogo dekreta o zemle v Orenburgskoi gubernii (fevral'—iyun' 1918 g.)* [Struggle for the implementation of the Lenin's decree on land in the Orenburg province (February — June 1918)]. *Iz istorii Yuzhnogo Urala i Zaural'ya* [From the history of the Southern Urals and Trans-Urals]. Chelyabinsk, ChGPI Publ., 1966. (In Russian)
48. Dudar' E. I. *Bor'ba za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Orenburzh'e (mart 1917 — iyun' 1918 g.)* [The Struggle for the Establishment and Strengthening of Soviet Power in the Orenburg Region (March 1917 — June 1918)]. *Uchenye zapiski Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Orenburg State Pedagogical Institute]. Orenburg, OGPI Publ., 1967, is. 24. (In Russian)
49. Erkhov G. P. *Kommunisty Orenburzh'ya v bor'be za ukreplenie soyuza rabochikh i krest'yan (1921—1925 gg.)* [Orenburg Communists in the struggle to strengthen the union of workers and peasants (1921—1925)]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1967. 64 p. (In Russian)
50. Zarirov A. B. *Yugo-vostochnyi Bashkortostan 1917—1922 gg.* [Southeast Bashkortostan 1917—1922]. Ufa, BGU Publ., 2001. 213 p. (In Russian)
51. Igisheva E. A., Kamynin V. D. *Pravookhranitel'nye organy Urala na zavershayushchem etape Grazhdanskoi voiny (istoriografiya problemy)* [Ural Law enforcement agencies at the final stage of the Civil War (problem historiography)]. *Grazhdanskaya voina kak fenomen mirovoj istorii: materialy nauch. konf. 26 apr. 2008 g.* [Civil War as a phenomenon of world history. Proceed. of sci. conf. Apr. 26, 2008]. Yekaterinburg, 2008, pp. 39—59. (In Russian)
52. Il'in Yu. A. *Antikommunisticheskoe dvizhenie sredi krasnoarmeitsev-krest'yan v 1920 g. — nachale 1921 g.* [The anti-communist movement among the Red Army peasants in 1920 — early 1921]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*, 2011, no. 1-2. Available at: <http://government.esrae.ru/pdf/2011/1-2/159.doc>. Accessed 16.06.2018. (In Russian)
53. *Istoriya bashkirskogo naroda: v 7 t.* [The history of the Bashkir people: in 7 volumes]. Vol. 5. Ufa, Gilem Publ., 2009. 468 p. (In Russian)
54. *Istoriya Bashkortostana (1917—1990-e gody)* [History of Bashkortostan (1917—1990s)]. Ufa, BGU Publ., 1997. 276 p. (In Russian)
55. *Istoriya Bashkortostana. 1917—1990-e gody: v 2 t. T. 1: 1917—1945* [History of Bashkortostan. 1917—1990s: in 2 volumes. Vol. 1: 1917—1945]. Ufa, Gilem Publ., 2004. 400 p. (In Russian)

56. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei. XX vek (1918—1998)* [The history of the Samara Volga region from ancient times to the present day. The twentieth century (1918—1998)]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 232 p. (In Russian)
57. *Istoriya upravleniya vnutrennikh del Orenburgskoi oblasti* [History of the Department of Internal Affairs of the Orenburg Region]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., 2002. 345 p. (In Russian)
58. Ishbulatov F. A. “Doloi yaichnikov i maslennikov!” Antisovetskii myatezh v Buzuluk, 1920 god [“Down with the “yaichniks” and “maslenniks”! Anti-Soviet revolt in Buzuluk, 1920]. *Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh* [Gostiny Dvor. Literary, artistic and socio-political almanac]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 2000, no. 9, pp. 177—191. (In Russian)
59. Ishbulatov F. A. “Doloi kommunu, da zdravstvuet Sovetskaya vlast'!”: Sarinskoe vooruzhennoe vosstanie, 1920 god [“Down with the Commune, Long Live the Soviet Power!”: Sarin Armed Uprising, 1920]. *Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh* [Gostiny Dvor. Literary, artistic and socio-political almanac]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 2001, no. 10, pp. 201—208. (In Russian)
60. Ishbulatov F. A. “Vy poeli nashikh kur i yaits...” Vooruzhennoe vosstanie v poselke Chukari-Ivanovka, 1920 god [“You ate our chickens and eggs...”. Armed uprising in the village of Chukari-Ivanovka, 1920]. *Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh* [Gostiny Dvor. Literary, artistic and socio-political almanac]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 2001, no. 11, pp. 147—150. (In Russian)
61. Ishbulatov F. A. *Istoriya povstancheskoj “Narodnoi armii” Okhranyuka-Cherskogo* [The history of the rebel “People’s Army” Okhranyuk-Chersky]. *Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh* [Gostiny Dvor. Literary, artistic and socio-political almanac]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 2001. № 12. С. 183—198. (In Russian)
62. Ishbulatov F. A. *Kratkaya istoriya likvidatsii povstancheskogo otryada V. A. Serova: po dokumentam Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Orenburgskoi oblasti* [A Brief History of the liquidation of the rebel detachment V. A. Serov: according to documents from the Documentation Center of the Newest History of the Orenburg region]. *Istochnikovaya baza po istorii revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoi voiny v Orenburzh'e: sostoyanie, problemy, perspektivy (k 95-letiyu Oktyabr'skoi revolyutsii i 90-letiyu okonchaniya Grazhdanskoi voiny v Rossii): sb. materialov zasedaniya Nauchnogo soveta GBU “TsDNIOO”. Orenburg, 21 noyabrya 2012 g.* [Source database on the history of the revolution of 1917 and the Civil War in Orenburg: state, problems, and prospects (for the 95th anniversary of the October Revolution and the 90th anniversary of the end of the Civil War in Russia). Collect. materials of the meeting of the Scientific Council of GBU “TsDNOO”. Orenburg, November 21, 2012] Orenburg, Agentstvo “Pressa” Publ., 2013, pp. 88—93. (In Russian)
63. Kalachev V. P., Ishbulatov F. A., Vostrikova R. M. *Chasha terpeniya perepolnilas'...: Krest'yanskoe vosstanie v Vostochnom Orenburzh'e v 1920—21 godakh* [The cup of patience overflowed...: The peasant uprising in the Eastern Orenburg region in 1920—21]. St. Petersburg, Renome Publ., 2013. 132 p. (In Russian)
64. Kamalova G. T. *Pravookhranitel'nye organy v mekhanizme Sovetskogo gosudarstva (na primere Urala, 1921—1929 gg.)* [Law enforcement agencies in the mechanism of the Soviet state (on the example of Ural, 1921—1929)]. Chelyabinsk, Tsitsero Publ., 2007. 227 p. (In Russian)
65. Kamalova G. T. *Kadry pravookhranitel'nykh organov Urala v gody novoi ekonomicheskoi politiki* [Personnel of law enforcement agencies of Ural in the years of the New Economic Policy]. Chelyabinsk, Tsitsero Publ., 2008. 295 p. (In Russian)
66. Kobzov V. S., Sichinskii E. P. *Gosudarstvennoe stroitel'stvo na Urale v 1917—1921 gg.* [State building in Ural in 1917—1921]. Chelyabinsk, Chelyab. jurid. in-t MVD Rossii Publ., 1997. 185 p. (In Russian)
67. Kobzov V. S., Semenov A. I. *Pravookhranitel'nye organy Urala v gody grazhdanskoi voiny* [Law enforcement authorities of Ural during the Civil War]. Chelyabinsk, Chelyab. jurid. in-t MVD Rossii Publ., 2002. 201 p. (In Russian)
68. Kobzov V. S., Shvedov I. V. *Ural v period potryaseniya 1917—1921 godov* [Ural in the period of upheavals of 1917—1921]. Chelyabinsk, Myakotin I. V. Publ., 2017. 453 p. (In Russian)
69. Kozhina T. A. *V grazhdanskoi voine vsyakaya pobeda est' porazhenie... (k voprosu o Grazhdanskoi voine v Adamovskom raione)* [In a civil war, every victory is a defeat... (on the issue of the Civil War in Adamovsky district)]. *Istochnikovaya baza po istorii revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoi voiny v Orenburzh'e: sostoyanie, problemy, perspektivy (k 95-letiyu Oktyabr'skoi revolyutsii i 90-letiyu okonchaniya Grazhdanskoi voiny v Rossii): sb. materialov zasedaniya Nauchnogo soveta GBU “TsDNIOO”. Orenburg, 21 noyabrya 2012 g.* [Source database on the history of the revolution of 1917 and the Civil War in Orenburg: state, problems, and prospects (for the 95th anniversary of the October Revolution and the 90th anniversary of the end of the Civil War in Russia). Collect. materials of the meeting of the Scientific Council of GBU “TsDNOO”. Orenburg, November 21, 2012]. Orenburg, Pressa Publ., 2013, pp. 94—98. (In Russian)
70. Kondrashin V. V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1919—1921 gg.* [The peasant movement in the Volga region in 1919—1921]. *Krest'yane i vlast': materialy konferentsii* [Peasants and power. Proceed. of

Conf.]. Moscow, Mosk. vyssh. shkola sots. i ekon. nauk Publ. ; Tambov, Tambov. gos. tekhn. un-t Publ., 1996, pp. 132—152. (In Russian)

71. Kondrashin V. V. Problemy krest'yanskogo dvizheniya v Sovetskoj Rossii v 1918—1921 gg. [The problems of the peasant movement in Soviet Russia in 1918—1921]. *Tambovskoe krest'yanstvo: ot kapitalizma k sotsializmu (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.): sb. nauch. st.* [Tambov peasantry: from capitalism to socialism (second half of the XIX — beginning of the twentieth century). Collect. of sci. articles]. Tambov, TGU im. G. Derzhavina Publ., 1998, is. 2, pp. 126—136. (In Russian)

72. Kondrashin V. V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918—1922 gg.* [The peasant movement in the Volga region in 1918—1922]. Moscow, Yanus-K Publ., 2001. 543 p. (In Russian)

73. Kondrashin V. V. *Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoj vojne: k voprosu ob istokakh stalinizma* [The peasantry of Russia in the Civil War: to the question of the origins of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina Publ., 2009. 575 p. (In Russian)

74. Kondrashin V. V. Lozungi i programma krest'yanskogo povstancheskoj dvizheniya v gody grazhdanskoj vojny [The slogans and the program of the peasant rebel movement during the Civil War]. *Krest'yanskij front 1918—1922 gg.: sb. statej i materialov* [Peasant Front 1918—1922. Collect. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013, pp. 80—98. (In Russian)

75. Kondrashin V. V. Otechestvennaya i zarubezhnaya istoriografiya krest'yanskogo povstancheskoj dvizheniya v gody grazhdanskoj vojny [Domestic and foreign historiography of the peasant rebel movement during the Civil War]. *Krest'yanskij front 1918—1922 gg.: sb. statej i materialov* [Peasant Front 1918—1922. Collect. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013, pp. 24—47. (In Russian)

76. *Krest'yanskij front. 1918—1922 gg.: sb. statej i materialov* [Peasant front. 1918—1922. Collect. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013. 740 p. (In Russian)

77. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e. 1919—1922 gg.: Dokumenty i materialy* [Peasant movement in the Volga region. 1919—1922. Documents and materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 944 p. (In Russian)

78. Kul'sharipov M. M. *Bashkirskoe natsional'noe dvizhenie (1917—1921 gg.)* [Bashkir National Movement (1917—1921)]. Ufa, Kitap Publ., 2000. 368 p. (In Russian)

79. Kurenkova Yu. O. Postsovetskaya istoriografiya o sotsial'noj aktivnosti krest'yan [Post-Soviet historiography on the social activity of peasants]. *Agrarnoe razvitie i prodovol'stvennaya politika Rossii v XVIII—XX vekakh: problemy istochnikov i istoriografii: sb. statej* [Agrarian development and food policy of Russia in the XVIII — XX centuries: problems of sources and historiography. Collect. of articles]. Orenburg, OGPU Publ., 2007, pp. 177—182. (In Russian)

80. Kurenyshev A. A. Mif i zagadki “antonovshchiny”. Chto soboi predstavlyalo i komu ugrozhalo krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoj gubernii 1920—1921 gg. [Myth and riddles of “Antonovshchina”. What was it and who threatened the peasant uprising in the Tambov province of 1920—1921]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2017, no. 6 (80), part 2, pp. 47—50. (In Russian)

81. Kuryshv I. V. Iz istorii antykolchakovskogo partizanskogo dvizheniya v Severnom Kazakhstane (zhilyaevshchiny) [From the history of the anti-Kolchak partisan movement in Northern Kazakhstan (“zhilyaevshchina”).] *Omskij nauchnyj vestnik — The Journal Omsk Scientific Bulletin*, 2012, no. 2 (106), pp. 9—13. (In Russian)

82. Kuryshv I. V. Partizanshchina (“Zhilyaevshchina”) v Severnom Kazakhstane v 1919 godu [Partisanism (“Zhilyaevshchina”) in Northern Kazakhstan in 1919]. *“Atamanshchina” i “partizanshchina” v Grazhdanskoj vojne: ideologiya, voennoe uchastie, kadry: sb. statej i materialov* [“Atamanshchina” and Partisanism in the Civil War: ideology, military participation, personnel. Collect. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2015, pp. 804—815. (In Russian)

83. Labuzov V. A. *Derevnya Yuzhnogo Urala v period novoj ekonomicheskoj politiki (1921—1927 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Village of the Southern Urals in the period of the new economic policy (1921—1927). Cand. Dis.]. Chelyabinsk, ChGPI Publ., 1995. 212 p. (In Russian)

84. Labuzov V. A., Safonov D. A. *Orenburgskaya derevnya na zavershayushchem etape Grazhdanskoj vojny (1920—1922 gg.)* [Orenburg village at the final stage of the Civil War (1920—1922)]. Orenburg, OGPU Publ., 2002. 136 p. (In Russian)

85. Lagunov K. Ya. *Dvadsat' pervyj: Khronika Zapadno-Sibirskogo krest'yanskogo vosstaniya* [Twenty-first: Chronicle of the West-Siberian Peasant Uprising]. Sverdlovsk, Sr.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1991. 144 p. (In Russian)

86. Litvin A. L. *Krest'yanstvo Srednego Povolzh'ya v gody Grazhdanskoj vojny. Materialy* [The peasantry of the Middle Volga region during the Civil War. Materials]. Kazan, 1972. 304 p. (In Russian)

87. Luk'yanov A. V. Deistviya organov gosudarstvennoj vlasti i Krasnoj Armii po likvidatsii krest'yanskogo vosstaniya i banditizma v Saratovskoj gubernii [The actions of public authorities and the Red Army to eliminate the peasant uprising and banditry in the Saratov province]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-*

ekonomicheskikh nauk: sbornik materialov Vos'moi mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf.: v 4 ch. [Urgent problems of humanitarian and socio-economic sciences. Proceed. of the 8th Internat. virtual sci.-pract. conf.: in 4 parts]. Vol'sk, VVIMO, Pero Publ., 2014, part 1, pp. 28—32. (In Russian)

88. Magomedov P. P. *Prodovol'stvennaya politika Sovetskogo gosudarstva v pervye gody Sovetskoi vlasti (oktyabr' 1917 g. — mart 1921 g.): (Na materialakh partiinykh organizatsii i prodovol'stvennykh organov Yuzhnogo Urala): dis. ... kand. ist. nauk* [The food policy of the Soviet state in the first years of Soviet power (October 1917 — March 1921): (On the materials of the party organizations and food authorities of the Southern Urals). Cand. Dis.]. Moscow, 1990. 194 p. (In Russian)

89. Markov V. Krasnye-belye, belye-krasnye... [Red-white, white-red...]. *Lyudi rodnoi zemli* [People of the native land]. Buzuluk, 2008, pp. 20—32. (In Russian)

90. Medeubaev E. I. 1-ya atamanskaya, 1-ya narodnaya i drugie: antisovetskie vystupleniya v Zapadnom Kazakhstane i Yuzhnom Urale v 1920—1922 gg. [The 1st Ataman, 1st Folk and others: anti-Soviet actions in Western Kazakhstan and the Southern Urals in 1920—1922]. *Vestnik RUDN. Ser. "Istoriya Rossii" — RUDN Journal of Russian History*, 2005, no. 4, pp. 82—88. (In Russian)

91. Medeubaev E. I. "Da zdravstvuet svobodnaya trgovlya i svobodnyi trud! Doloi kommunistov, da zdravstvuet chistaya sovetskaya vlast'!": iz istorii vooruzhennykh antisovetskikh vystuplenii v Zapadnoi Sibiri v 1921 g. ["Long live free trade and free labor! Down with the Communists, long live the pure Soviet power!": From the history of armed anti-Soviet actions in Western Siberia in 1921]. *Grazhdanskaya voina na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Omsk, 25—26 okt. 2017 g.)* [The Civil War in Eastern Russia: A Look Through the Documentary Heritage. Proceed. of the II All-Russian sci.-pract. conf. with internat. participation (Omsk, Oct. 25—26 2017)]. Omsk, OmGTU Publ., 2017, pp. 237—242. (In Russian)

92. Mikhailyuk A. V. "Politicheskaya programma" krest'yanstva v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny (1917—1922) [The "political program" of the peasantry during the period of the revolution and the Civil War (1917—1922)]. *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX — nachale XXI veka: sbornik statei* [State power and the peasantry in the 19th and early 21st centuries. Collect. of articles]. Kolomna, Gos. sotsial'no-gumanitarnyi un-t Publ., 2018, pp. 119—124. (In Russian)

93. Narskii I. V. *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917—1922 gg.* [Life in disaster. Everyday life of the Ural population in 1917—1922]. Moscow, Ros. polit. entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2001. 633 p. (In Russian)

94. Narskii I. V. "Krest'yanskuyu golovu vse galki klyuyut": kak predstavlyalis' ural'skomu krest'yanstvu al'ternativnye stsenarii russkoi revolyutsii? ["All the jackdaws peck at the peasant's head": how did the alternative scenarios of the Russian revolution appear to the Ural peasantry?]. *Vestnik YuUrGU. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki. Istoricheskie nauki — Bulletin of South Ural State University', series 'Humanities and Social Sciences*, 2014, vol. 14, no. 1, pp. 43—48. (In Russian)

95. Nasyrov R. G. *Nerealizovannye prava bashkir v revolyutsiyakh 1917 g. i Chukari-Ivanovskoe vosstanie 1920—1921 gg.* [Unrealized rights of the Bashkirs in the revolutions of 1917 and the Chukari-Ivanovo uprising of 1920—1921]. Sibai, Sibaiskaya tipografiya Publ., 2003. 192 p. (In Russian)

96. *Neizvestnaya voina (k 90-letiyu krest'yanskogo vosstaniya v Tyumenskoj gubernii): bibliograficheskii ukazatel'* [Unknown War (to the 90th anniversary of the peasant uprising in the Tyumen province): bibliography]. Tyumen, 2011. 23 p. (In Russian)

97. *O lyudyakh chesti i dolga* [About people of honor and duty]. Orenburg, Dimur Publ., 2008. 152 p. (In Russian)

98. *Orenburg* [Orenburg]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1993. 270 p. (In Russian)

99. *Orenburgskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Orenburg State Archive of Social and Political History]. F. 1. Op. 1. D. 346.

100. Osipova T. V. *Krest'yanskii front v grazhdanskoi voine* [Peasant Front in the Civil War]. *Sud'by Rossijskogo krest'yanstva* [The Fates of the Russian Peasantry]. Moscow, 1996. Book 1. (In Russian)

101. *Ot "germanskoi" k grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty: sbornik statei i materialov* [From the "German" to the Civil War: the formation of the corps of national leaders of the Russian distemper. Collect. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2014. 624 p. (In Russian)

102. *Ocherki istorii Orenburgskoi oblastnoi organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Orenburg regional organization of the CPSU]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1973. 594 p. (In Russian)

103. Pavlyuchenkov S. A. *Krest'yanskii brest, ili Predystoriya bol'shevistskogo nepa* [Peasant Brest, or Prehistory of the Bolshevik NEP]. Moscow, Russkoe knigoizd. tov-vo Publ. 1996. 299 p. (In Russian)

104. Pan'kin S. I. Osobennosti povstancheskogo dvizheniya na Yuzhnom Urale v 1919—1922 godakh [Features of the insurgency in the Southern Urals during 1919—1922]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii*, 2002, no. 2 (14), pp. 179—180. (In Russian)

105. Pan'kin S. I. Rossiiskii opyt sozdaniya vlastnykh struktur v bezlegitimnyi period grazhdanskogo protivostoyaniya: voenno-administrativnaya vlast' povstantsev na Yuzhnom Urale v 1920—1921 gg. [The Russian experience of creating power structures in the illegitimate period of civil confrontation: the military and administrative power of the rebels in the Southern Urals in 1920—1921]. *Sotsium i vlast' — Society and Power*, 2012, no. 6 (38), pp. 116—117. (In Russian)
106. Pan'kin S. I. Politicheskaya platforma povstancheskogo dvizheniya na Yuzhnom Urale 1920—1922 gg. [The political platform of the insurgency in the Southern Urals in 1920—1922]. *Sotsium i vlast' — Society and Power*, 2013, no. 6 (44), pp. 118—122. (In Russian)
107. Pan'kin S. I. Kharakteristika povstancheskikh vooruzhennykh formirovaniy na Yuzhnom Urale v 1920—1922 gg. [Characteristics of the rebel armed formations in the Southern Urals in 1920—1922]. *Mezhdistsiplinaryni dialog: sovremennye tendentsii v obshchestvennykh, gumanitarnykh, estestvennykh i tekhnicheskikh naukakh: sbornik trudov III Vseros. nauch.-prakt. konf. prepodavatelei, uchenykh, spetsialistov i aspirantov* [Interdisciplinary dialogue: current trends in the social, humanitarian, natural and technical sciences. Proceed. of the III All-Russian sci.-pract. conf. among teachers, scientists, specialists and graduate students]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. in-t upravleniya i ekonomiki Publ., 2014, pp. 66—80. (In Russian)
108. Pan'kin S. I. Opyt mirnogo razresheniya vooruzhennykh konfliktov vlasti i oppozitsii na Yuzhnom Urale v 1920—1922 godakh [The experience of the peaceful resolution of armed conflicts of power and opposition in the Southern Urals in 1920—1922]. *Voprosy upravleniya — Management Issues*, 2014, no. 1 (26), pp. 53—56. (In Russian)
109. Pan'kin S. I. Osobennosti taktiki povstancheskikh soedinenii na Yuzhnom Urale v 1920—1922 gg. [Features tactics rebel compounds in the Southern Urals in 1920—1922]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*, 2015, no. 3 (7), pp. 47—58. (In Russian)
110. Pan'kin S. I. Modeli vozniknoveniya vystuplenii i organizatsiya povstancheskikh struktur upravleniya na Yuzhnom Urale v 1920—1922 gg. [Models the occurrence of uprisings and the organization of rebel governance structures in the Southern Urals in 1920—1922]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*, 2016, no. 1 (8), pp. 35—45. (In Russian)
111. Piterimov V. F. Chasti osobogo naznacheniya na kazach'ei territorii Yuzhnogo Urala [Parts of special purpose in the Cossack territory of the Southern Urals]. *Ivan Ivanovich Neplyuev i Yuzhno-Ural'skii kraj: materialy nauch. konf.* [Ivan Ivanovich Neplyuev and the Southern Urals Territory. Proceed. of sci. conf.] Chelyabinsk, 1993, pp. 131—133. (In Russian)
112. Posadskii A. V. Zelenoe dvizhenie v Grazhdanskoi voine v Rossii. Krest'yanskii front mezhdu krasnymi i belymi. 1918—1922 gg. [Green movement in the Russian Civil War. Peasant front between the red and the white. 1918—1922]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2018. 187 s. (In Russian)
113. Provotorov A. F. *Zapiski kontrrazvedchika: v 2 t. T. 1* [Counterintelligence notes: in 2 volumes. Vol. 1]. Orenburg, IPK “Yuzhnyi Ural” Publ., 2007. 336 p. (In Russian)
114. Rusakova E. V., Popova O. G. K voprosu o tipologii antibol'shevistskogo povstanchestva v gody Grazhdanskoi voyny v Rossii [On the issue of the typology of the anti-Bolshevik insurgency during the Civil War in Russia]. *Grazhdanskaya voina kak fenomen mirovoi istorii: materialy nauch. konf.* [Civil War as a phenomenon of world history. Proceed. of sci. conf.]. Yekaterinburg, 2008, pp. 141—159. (In Russian)
115. Savchenko V. A. *Atamanshchina: mify, legendy, deistvitel'nost'* [Atamanshchina: myths, legends, reality]. Khar'kov, Folio Publ., 2011. 379 p. (In Russian)
116. Safonov D. A. *Velikaya krest'yanskaya voina 1920—1921 gg. i Yuzhnyi Ural* [The Great Peasant War of 1920—1921 and the Southern Urals]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., 1999. 316 p. (In Russian)
117. Safonov D. A. *Krest'yanskoe dvizhenie na Yuzhnom Urale. 1855—1922. Khronika i istoriografiya* [The peasant movement in the Southern Urals. 1855—1922. Chronicle and historiography]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., 1999. 315 p. (In Russian)
118. Safonov D. A. *Ocherki istoriografii orenburgskoi istorii* [Essays on the historiography of Orenburg history]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., 2005. 362 p. (In Russian)
119. Safonov D. A. *Mezhdu imperiei i respublikoi Sovetov: mestnaya vlast' na Yuzhnom Urale v 1917—1918 gg.* [Between the Empire and the Republic of Soviets: Local Authority in the Southern Urals in 1917—1918]. Orenburg, Dimur Publ., 2008. 448 p. (In Russian)
120. Safonov D. A. *Fakel nad bezdnoi: revolyutsiya 1917 goda i grazhdanskaya voina na yugo-vostoke Evropeiskoi Rossii* [The torch over the abyss: the revolution of 1917 and the Civil War in the South-East of European Russia]. Orenburg, OGU Publ., 2017. 407 p. (In Russian)
121. Safonov D. A. *Krest'yanskie vosstaniya 1920—1921 gg. na Yuzhnom Urale: problemy istochnikovoi bazy* [Peasant uprisings of 1920—1921 in the Southern Urals: the problems of the source base]. *Arkheografiya Yuzhnogo Urala: Istoricheskie istochniki i sovremennye metody: materialy mezhhregion. nauch.-prakt. konf. Ufa, 20—21 sent. 2001 g.* [Archeography of the Southern Urals: Historical sources and modern methods. Proceed. interregion. sci.-pract. conf. Ufa, September 20—21 2001]. Ufa, Tau Publ., 2001, pp. 143—147. (In Russian)

122. Safonov D. A. Kommunisticheskie idealy “antikommunisticheskikh myatezhei” (povstanchestvo nachala 1920-kh gg. na Yuzhnom Urale) [Communist ideals of “anti-communist insurgencies” (insurgency in the early 1920s in the Southern Urals)]. *Lichnost' i massy v istoricheskom protsesse: materialy mezhtregion. nauch. konf. 23—24 sent. 2003 g.* [Personality and the masses in the historical process. Proceed. of interregion. sci. conf. Sept. 23—24 2003]. Ufa, Bashk. gos. ped. un-t Publ., 2004, pp. 18—23. (In Russian)
123. Safonov D. A. Krest'yanskije voiny v Rossii: fenomen ili obshcheistoricheskoe yavlenie [The peasant wars in Russia: a phenomenon or a general historical phenomenon]. *Matvei Kuz'mich Lyubavskii: istorik i chelovek. K 145-letiyu so dnya rozhdeniya: materialy region. nauch.-prakt. konf. 15 dek. 2005 g.* [Matvey Kuzmich Lyubavsky: a historian and a man. To the 145th anniversary of the birth. Proceed. of the regional sci.-pract. conf. Dec. 15, 2005]. Ufa, BGPU Publ., 2008, pp. 135—142. (In Russian)
124. Safonov D. A. Fenomen krest'yanskogo protesta pod kommunisticheskimi lozungami v krest'yanskoi voine 1920—1921 gg. [The phenomenon of peasant protest under the communist slogans in the peasant war of 1920—1921]. *Trudy Instituta krest'yanovedeniya Yuzhnogo Urala* [Proceedings of the Institute of Peasant Studies of the Southern Urals]. Orenburg, 2010, is. 3, pp. 264—276. (In Russian)
125. Safonov D. A. Fenomen krest'yanskogo protesta protiv kommunisticheskoi vlasti pod kommunisticheskimi lozungami na zavershayushchem etape grazhdanskoi voiny [The phenomenon of peasant protest against the communist government under communist slogans at the final stage of the Civil War]. *Novitni tendentsii vivchennya aktual'nikh problem revolyutsiinoi dobi (1917—1921 rr.): zb. nauk. prats'* [New tendencies in the study of the actual problems of the revolutionary period (1917—1921). Collect. of sci. papers]. Kiïv, Cherkasi Publ., 2012, pp. 238—247. (In Russian)
126. Safonov D. A. Dokument po istorii vystupleniya “Armii Pravdy” A. Sapozhkova (1920 g.) [A document on the history of the performance of “The Army of Truth” by A. Sapozhkov (1920)]. *Krest'yanskii front 1918—1922 gg.: sbornik statei i materialov* [The Peasant Front, 1918—1922. Collect. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013, pp. 564—578. (In Russian)
127. Safonov D. A. Pod pokrovom sotsial'nogo protesta: nasilie i bezzakonie “vnutri” klassovoi bor'by v Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Under the guise of social protest: Violence and lawlessness “inside” the class struggle in Russia in late XIX — early XX century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2016, no. 4 (20), pp. 185—194. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/18_20_2016.pdf. (In Russian)
128. Safonov D. A. Povstanchestvo v 1920—1921 gg. kak istoricheskoe yavlenie [The rebellion in 1920—1921 as a historical phenomenon]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2017, no. 6 (80): in 2 parts, part 2, pp. 97—101. (In Russian)
129. Safonov D. A. Narodnye vozhaki v grazhdanskoi voine: mezhdru dvumya bol'shevizmami [People's leaders in the Civil War: between two Bolshevism]. *Novoe proshloe = The New Past*. Rostov-na-Donu, 2017, no. 2, pp. 187—191. (In Russian)
130. Safonov D. A., Bezgin V. B. Vovlechennye v protivostoyanie: ryadovye uchastniki antisovetskikh vystuplenii perioda Grazhdanskoi voiny [Involved in the confrontation: ordinary participants in anti-Soviet actions during the Civil War]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2017, no. 3 (23), pp. 197—206. URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/20_23_2017.pdf. (In Russian)
131. Safonov D. A. Ot “klassovoi bor'by” k krest'yanskim predstavleniyam: razvitie temy krest'yanskogo sotsial'nogo protesta v postsovetSKUy epokhu [From the “class struggle” to the peasant ideas: the development of the theme of the peasant social protest in the post-Soviet era]. *Itogi i perspektivy issledovaniya agrarnoi istorii Rossii X—XXI vv.: XXXVI sessiya Simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy: tez. dokl. i soobshchenii. Bryansk, 24—28 sent. 2018 g.* [Results and prospects for the study of the agrarian history of Russia of the 10th — 21st centuries: XXXVI session of the Symposium on Agrarian History of Eastern Europe. Abstr.]. Moscow, ISI RAN Publ., 2018, pp. 150—153. (In Russian)
132. Semenov A. I. *Pravookhranitel'nye organy na Yuzhnom Urale v gody revolyutsii i grazhdanskoi voiny: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Law enforcement agencies in the Southern Urals in the years of the revolution and Civil War. Abstr. Cand. Dis.]. Chelyabinsk, 2000. 24 p. (In Russian)
133. *Sibirskaya Vandeya. 1919—1920. Dokumenty: v 2 tomakh* [Siberian Vendée. 1919—1920. Documents: in 2 volumes]. Moscow, Mezhdunar. fond “Demokratiya” Publ., 2000. Vol. 1. 644 p.; Vol. 2. 776 p. (In Russian)
134. Skorinov A. I. Iz istorii povstancheskogo i dezertirskogo dvizhenii na territorii Chelyabinskoi gubernii v kontse 1919 — nachale 1921 g. [From the history of the rebel and deserter movements in the territory of the Chelyabinsk province in late 1919 — early 1921]. *Istoricheskie chteniya: materialy nauch. region. konf. Tsentra istoriko-kul'turnogo naslediya g. Chelyabinska “Krushenie tsarizma i grazhdanskaya voina na Urale” (1997)*

[Historical readings. Proceed. of sci. regional conf. of Center for Historical and Cultural Heritage of Chelyabinsk "The collapse of Tsarism and the Civil War in the Urals" (1997)]. Chelyabinsk, Tsentr istoriko-kul'turnogo naslediya g. Chelyabinska Publ., 1998, pp. 59—62. (In Russian)

135. *Sovetskaya derevnya glazami VChK — OGPU — NKVD. 1918—1939. Dokumenty i materialy: v 4 t. T. 1* [Soviet village through the eyes of the Cheka — OGPU — NKVD. 1918—1939. Documents and materials: in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, Ros. polit. entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2000. 864 p. (In Russian)

136. Suvorov D. Vse protiv vseh: neizvestnaya grazhdanskaya voyna na Yuzhnom Urale [All against all: an unknown Civil War in the Southern Urals]. *Ural*, 1998, no. 5—7. Available at: militera.lib.ru/h/suvorov_d/index.html. Accessed 6.08.2018). (In Russian)

137. Taubin R. Razgrom kulatskogo myatezha Sapozhkova [The defeat of the kulak Sapozhkov's revolt]. *Bor'ba klassov*, 1934, no. 12, pp. 56—62. (In Russian)

138. Telitsyn V. L. K istorii antisovetskikh vystuplenii krest'yanstva Urala v pervye poslerevolutsionnye gody (predvaritel'nye zamechaniya) [On the history of the anti-Soviet actions of the peasantry of the Urals in the first post-revolutionary years (preliminary observations)]. *Istoriya krest'yanstva Urala i Sibiri v gody grazhdanskoi voyny: tez. dokl. Vseros. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu Zap.-Sib. krest'yanskogo vosstaniya 1921 g.* [The history of the peasantry of the Urals and Siberia during the Civil War. Abstr. of All-Russian sci. conf., dedicated to the 75th anniversary of East Siberian peasant uprising in 1921]. Tyumen', 1996, pp. 61—63. (In Russian)

139. Telitsyn V. L. Antibol'shevistskie vystupleniya ural'skogo krest'yanstva v pervye poslerevolutsionnye gody [Anti-Bolshevik actions of the Ural peasantry in the first post-revolutionary years]. *Kamennyi poyas na poroge III tysyacheletiya* [Stone belt on the threshold of the III millennium]. Yekaterinburg, 1997, pp. 114—117. (In Russian)

140. Telitsyn V. L. K istorii antibol'shevistskikh vystuplenii na Urale v pervye poslerevolutsionnye gody: nekotorye sobytiya i fakty [On the history of anti-Bolshevik actions in Ural in the first post-revolutionary years: some events and facts]. *Totalitarizm v Rossii (SSSR) 1917—1991 gg.: oppositsiya i repressii: materialy nauch.-prakt. konf.* [Totalitarianism in Russia (USSR), 1917—1991: opposition and repression. Proceed. of sci.-pract. conf.]. Perm', 1998, pp. 6—8. (In Russian)

141. Telitsyn V. L. Antibol'shevizm ural'skikh krest'yan i ego proyavlenie v 1917—1921 gg. [The anti-Bolshevism of the Ural peasants and its manifestation in 1917—1921]. *Belaya Gvardiya. Al'manakh. Antibol'shevitskoe povstanchesкое dvizhenie* [White Guard. Almanac. Anti-Bolshevik insurgency]. Moscow, Posev Publ., 2002, no. 6, pp. 53—58. (In Russian)

142. Telitsyn V. L. "Bessmyslennyi i besposhchadnyi"? Fenomen krest'yanskogo buntarstva 1917—1921 godov ["Senseless and merciless"? The phenomenon of peasant rebellion of 1917—1921]. Moscow, Ros. gos. gumanitarnyi un-t Publ., 2003. 340 p. (In Russian)

143. Tret'yakov N. G. O politicheskikh nastroyeniakh krest'yanstva na territorii, okhvachennoi Zapadno-Sibirskim vosstaniem 1921 goda [On the political moods of the peasantry in the territory covered by the West-Siberian uprising of 1921]. *Istoriya Sovetskoi Rossii: novye idei, suzhdeniya: tez. dokl. vtoroi respublikanskoi nauch. konf.* [History of Soviet Russia: new ideas, judgments. Abstr. of the second republican sci. conf.]. Tyumen, 1993, part 1, pp. 55—58. (In Russian)

144. Trifonov I. Ya. *Klassy i klassovaya bor'ba v SSSR v nachale nepa (1921—1923 gg.). Ch. 1. Bor'ba s vooruzhennoi kulatskoi kontrrevolyutsiei* [Classes and class struggle in the USSR at the beginning of NEP (1921—1923). Part 1. The struggle against the armed kulak counterrevolution]. Leningrad, LGU Publ., 1964. 311 p. (In Russian)

145. Trotskii V. V., Demidov A. D. *1920 god v Srednevolzhskom krae* [1920 in the Middle Volga region]. Moscow, Samara, Gosizdat Publ., 1934. 234 p. (In Russian)

146. Tumshis M., Alekseev P., Karpov I. *Politsiya i militsiya Samarskoi gubernii (imena, sobytiya, fakty)* [Police and militia of the Samara province (names, events, facts)]. Samara, 2003. 152 p. (In Russian)

147. Uzhgin S. S., Frolov N. *Partizanskoe dvizhenie protiv Kolchaka* [Guerrilla movement against Kolchak]. Alma-Ata, Kazgosizdat Publ., 1957. 144 p. (In Russian)

148. *Ural v panorame XX veka* [Ural in the panorama of the twentieth century]. Yekaterinburg, SV-96 Publ., 2000. 496 p. (In Russian)

149. Filin M. V. *Protestnoe dvizhenie rossiiskogo kazachestva v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstviya (1918—1922 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The protest movement of Russian Cossacks in the policy of military communism and its aftermath (1918—1922). Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 2007. 22 p. (In Russian)

150. Filin M. V. "Sapozhkovshchina" i ee razvitiye: povstanchestvo Vasiliya Serova (1920—1922 gg.) ["Sapozhkovshchina" and its development: the rebellion of Vasily Serov (1920—1922)]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2007, no. 78, pp. 57—68. (In Russian)

151. Futoryanskii L. I., Labuzov V. A. *Krest'yanskoe khozyaistvo Orenburzh'ya v gody novoi ekonomicheskoi politiki* [Farm Orenburg during the years of new economic policy]. Orenburg, OGPI Publ., 1994. 32 p. (In Russian)
152. Futoryanskii L. I., Labuzov V. A. *Iz istorii Orenburgskogo kraia v period vosstanovleniya (1921—1927 gg.)* [From the history of the Orenburg region in the recovery period (1921—1927)]. Orenburg, 1998. 114 p. (In Russian)
153. Shaglanov A. N. Povstancheskii banditizm na territorii Sibiri v 1920—1921 gg. [Insurgent banditry on the territory of Siberia in 1920—1921]. *Omskii nauchnyi vestnik — The Journal Omsk Scientific Bulletin*, 2014, no. 2 (126), pp. 50—53. (In Russian)
154. Shadskii O. G. Zarubezhnaya istoriografiya rossiiskogo krest'yanstva i krest'yanskikh dvizhenii 1918—1921 gg. [Foreign historiography of the Russian peasantry and peasant movements of 1918—1921]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2017, no. 6 (80): in 2 parts, part 2, pp. 108—112. (In Russian)
155. Shvedov I. V. *Politicheskoe i voennoe protivostoyanie na Urale v 1917—1921 gg.: regional'naya spetsifika: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Political and military confrontation in the Urals in 1917—1921: Regional specificity. Abstr. Cand. Dis.]. Chelyabinsk, 2016. 25 p. (In Russian)
156. Shvedov I. V., Kobzov V. S. Revolyutsionnye komitety Urala v gody grazhdanskoi voiny (istoriko-pravovoi aspekt) [Ural revolutionary committees during the Civil War (historical and legal aspect)]. *Problemy prava*, 2013, no. 5 (43), pp. 199—205. (In Russian)
157. Shchetkin S. V. *Militsiya na Yuzhnom Urale v 1921—1928 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Police in the Southern Urals in 1921—1928. Abstr. Cand. Dis.]. Chelyabinsk, 2002. 23 p. (In Russian)
158. Shibanov N. S. *“Zelenaya voina”: Istoricheskie ocherki (o partizanskom dvizhenii krest'yan i kazakov na Yuzhnom Urale v 1920 g.)* [“Green War”: Historical essays (they are partisan movement of peasants and Cossacks in the Southern Urals in 1920)]. Chelyabinsk, Mezhraion. tipografiya Publ., 1997. 240 p. (In Russian)
159. Shishkin V. I. Zapadno-Sibirskii myatezh 1921 goda: istoriografiya voprosa [West Siberian insurgency in 1921: the historiography of the issue]. *Grazhdanskaya voina na vostoке Rossii. Problemy istorii: Bakhrushinskie chteniya 2001 g.: mezhvuz. sbornik nauch. trudov* [Civil War in the east of Russia. Problems of History: Bakhrushin Readings of 2001. Intercollege collect. of sci. works]. Novosibirsk, 2001, pp. 137—175. (In Russian)
160. Shuldyakov V. A. Atamanshchina kak fenomen grazhdanskoi voiny na vostoке Rossii [“Atamanshchina” as a phenomenon of Civil War in the east of Russia]. *Vestnik NGU. Ser. istoriya, filologiya*, 2006, vol. 5, is. 1, pp. 37—41. (In Russian)
161. Yablochkina I. V. *Antigosudarstvennye vooruzhennye vystupleniya i povstancheskie dvizheniya v Sovetskoi Rossii, 1921—1925 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Anti-state armed actions and rebel movements in Soviet Russia, 1921—1925. Dr. Dis.]. Moscow, 2000. 506 p. (In Russian)
162. Yablochkina I. V. *Retsidivy grazhdanskoi voiny: antigosudarstvennye vooruzhennye vystupleniya i povstancheskie dvizheniya v Sovetskoi Rossii. 1921—1925 gg.* [Recurrences of the Civil War: anti-state armed actions and rebel movements in Soviet Russia. 1921—1925]. Moscow, Khel'ga Publ., 2000. 495 p. (In Russian)
163. Yashchenko V. G. *Khronika utaennogo bunta: Antibol'shevistskoe povstanchestvo v Nizhnem Povolzh'e i na Srednem Donu (1918—1923)* [Chronicle of the hidden rebellion: Anti-Bolshevik insurgency in the Lower Volga region and the Middle Don (1918—1923)]. 2nd ed. Moscow, LENAND Publ., 2017. 264 p. (In Russian)